

An aerial photograph of a lush green hedge maze, with the paths curving and winding through the dense foliage.

Vida Verde

обратная модернизация
как новый вектор
инклюзивного роста

центеро
центр изучения кризисного
общества

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД • МОСКВА • 2020

УДК 321.8

ББК 66.7

Р 88

Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»,
Ответственный редактор Т.Ю. Русакова

Р 88 Vida Verde: Обратная модернизация как новый вектор инклюзивного роста

М.: Научный эксперт, 2020. 79 с.

ISBN 978-5-91290-252-9

УДК 321.8

ББК 66.7

ISBN 978-5-91290-252-9

@ Центр изучения кризисного общества, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Т.Ю. РУСАКОВА. ЧТО ТАКОЕ VIDA VERDE: СОВРЕМЕННЫЙ МИР В ПОИСКАХ НОВОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ	7
1. Социально-экологическая мысль на рубеже веков	8
2. Современные тренды социально-экологического развития: экономика, политика, общественное сознание	15
3. Глобализационный кризис как причина возникновения концепции обратной модернизации	19
ГЛАВА II. Д. НАДИЧ. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА VIDA VERDE	25
1. Общее благо как основа новой модели управления	26
2. Общеввропейский проект «экономика для общего блага»: воплощение идеи общего блага	32
3. «Зеленая» политика: институционализация экологических движений в Европе, последствия и перспективы	36
ГЛАВА III. А.А. ШИНКАРЕНКО. VIDA VERDE В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ: КОНЦЕПЦИЯ BUEN VIVIR В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ФУНДАМЕНТ ОБРАТНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	41
1. Концепция общего блага как постколониальная альтернатива	42
2. коренные народы как главные акторы новой социально- экологической политики	46
3. Экономика vs этика: нелегкий выбор buen vivir	51
ГЛАВА IV. Е.И. БУРКОВА. VIDA VERDE В РОССИИ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ	55
1. Российская экологическая повестка дня и особенности экополитики России	56
2. Низовое участие в экополитике России: состояние повестки дня	59
3. Перспективы новой экологической парадигмы в России	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	71

[illegible]

Современный мир переживает непростое время. Жизнь, которая практически остановилась на четыре месяца почти во всем мире, и наши субъективные ощущения после тотального карантина, которые оставил новый коронавирус, инициировали в какой-то степени размышления об окружающей среде, природных системах и человеческом сосуществовании с ними. Столкновение из-за пандемии с новыми политическими и этическими дилеммами, в результате которого человечество стоит сейчас на новом перекрестке своего развития, позволило нам по-новому взглянуть на происходящие в мире экономический и климатический кризисы. Оно же вдохновило нас на написание этого доклада.

Неправильно было бы думать, что мир до пандемии был идеальным и прочным с точки зрения экономического устройства и принятых социальных систем, однако именно эпидемия коронавируса еще раз настойчиво показала нам, насколько его несовершенства грозят катастрофой: неконтролируемые волны миграции в результате глобализации, коренные народы, потерявшие свои территории из-за крупных агробизнесов или добывающих компаний, растущее загрязнение почвы и воды, неэтичное производство, загрязняющее природу, работники, которые теряют свои рабочие места из-за лавины импортных продуктов, и т. д.

Как это ни парадоксально, но коронавирус дает нам большую дискуссионную площадку, где важны прежде всего общественные дебаты про поиск альтернатив: про то, как обустроить общество после эпидемии, как выйти из кризиса, какое для этого нужно государство или какую государственную политику должны проводить правительства. Иными словами, речь идет о том, чтобы думать о будущем цивилизации, находящейся на грани системного коллапса.

Таким образом, текущая ситуация глобального кризиса может открыть путь к возможности построения более демократической парадигмы общественного устройства, связанной с понятиями заботы, солидарности и сотрудничества, иной государственной политики, направленной на «новый экосоциальный и экономический договор», в рамках которого совместно будут решаться вопросы социальной и экологической справедливости. И речь не только о снижении уровня выбросов или создания «зеленой инфраструктуры» или «зеленых» рабочих мест, но и о решениях, основанных на ответственном природопользовании, соблюдении прав человека и обеспечении максимального равенства в доступе к жизненно важным благам, таким, как вода и энергия, а также ее возобновляемые источники.

Авторы данного доклада ставили своей целью показать возможные альтернативы социально-экологического развития и ответить на

вопросы, насколько сегодня вообще возможны «третьи пути», которые не ставят во главу угла экономический рост и привычное нам линейное развитие, насколько постковидный мир готов принять такие альтернативы, в чем сильные стороны и какие ограничения у этих альтернативных моделей.

Первый раздел доклада, подготовленный Т. Ю. Русаковой (Центр изучения кризисного общества), посвящен обзору социально-экологических школ, современных трендов социально-экологического развития, а также обоснованию возникновения концепции обратной модернизации как одной из альтернатив дальнейшего социально-экологического, экономического и политического развития. Проблеме общественного блага, институционализации экологических движений посвящена глава Д. Надича (Белградский университет). А. А. Шинкаренко (Институт Латинской Америки РАН) в третьем разделе затрагивает вопрос всеобщего блага в качестве постколониальной альтернативы в странах Латинской Америки. В четвертой главе, написанной Е. И. Бурковой (ИМЭМО РАН), исследуется вопрос существующей социально-экологической повестки в России.

Выбор регионов экспертами, которые ограничились в анализе инвайронменталистской повестки Западной Европой, Латинской Америкой и Россией, не случаен. Наша цель — показать две картины мира,

две альтернативы развития, которые могут рассматриваться в перспективе для России. На одном полюсе — более структурированное европейское «зеленое» движение, где экологическая повестка в целом органично встроена в политическую жизнь, и даже внесистемные экологические движения если и не создают политические партии, то со временем все равно обрастают специфическими свойствами, дающими возможность называть их экологическими корпорациями. На другом полюсе — латиноамериканская альтернатива развития, которая зиждется на низовых, автономных, коммунальных ячейках (в основном коренных народов) и нередко рассматривается как маргинальная, что на наш взгляд не совсем корректно, так как одна из главных характеристик «индейской альтернативы» — гармоничное сосуществование коренных народов и природной среды, наличие в общинах морально-этических норм, связанных с отношениями между человеком и природой, то есть высокой природной экологической культуры. Поэтому экологические знания групп коренного населения могут дать ценную информацию о стратегиях адаптации, мониторинге на уровне общин и динамике экологических этических ценностей. Латиноамериканский опыт теоретически может быть применим как к российским коренным народам, так и к низовым сетевым организациям в целом. ■

Т.Ю. РУСАКОВА

ГЛАВА I. ЧТО ТАКОЕ VIDA VERDE: СОВРЕМЕННЫЙ МИР В ПОИСКАХ НОВОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

1. Социально-экологическая мысль на рубеже веков

Экологические проблемы находились на периферии общественных наук примерно до начала 1970-х годов. На излете 1960-х появились первые экологические исследования — одновременно с экологическим движением. Уже в 1980-х годах различные школы экологической мысли начали формироваться более четко, однако границы между ними все еще были размытыми.

Дадим характеристику некоторым из основных школ экологической мысли, которые возникли в академической среде и продолжают формировать сегодня экологический дискурс в социальных, политических и экономических науках.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Школа стала формироваться в 1970-х годах. Первой ее вехой была конференция ООН по проблемам окружающей среды, которая проходила в Стокгольме. В ее декларации перечислены основные принципы устойчивого развития: экономический рост, технологические инновации, улучшение управления природными ресурсами, снижение темпов роста населения, международное сотрудничество и разработка экологических законов (UNCHE, 1972).

Спустя более десяти лет, в 1983 году, ООН создала Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию (WCED), чтобы формулировать «глобальную повестку дня во имя перемен» и «предложить долгосрочные экологические стратегии, которых нужно достичь к 2000 году» (WCED, 1987). В 1987 году WCED опубликовала свой отчет, более известный как «Отчет Брундтланд». Этот документ представляет собой исчерпывающее описание концепции устойчивого развития. Согласно отчету, устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не причиняя ущерба будущим поколениям (WCED, 1987).

Непременным условием устойчивого развития является экономический рост, это имплицитно вытекает из самого определения. Мировой экономический рост (измеряемый в единицах ВВП) — необходимое условие для преодоления бедности, которая, в свою очередь, считается одной из основных, если не основной, причин ухудшения состояния окружающей среды. Согласно WCED, бедность «загрязняет» окружающую среду и представляет для нее угрозу (WCED, 1987, 19). Люди, которые страдают от бедности и голода, часто разрушают экосистемы вокруг себя, чтобы выжить: вырубая деревья, опустошают земли выпасом скота, практикуют экстенсивное земледелие или переезжают в перенаселенные города.

Таким образом, устойчивое развитие в большей степени склонно винить в ухудшении окружающей среды скорее бедность и нищету, нежели крупную промышленность. Согласно концепции устойчивого развития, лучший способ ускорить экономический рост — это придерживаться принципов неоклассической экономической теории: поддерживать мировое разделение труда, интегриро-

соответствующие механизмы: разрабатывать законы, правила, конвенции и протоколы на национальном и международном уровнях для регулирования и контроля загрязнения и доступа к природным ресурсам, создавать и укреплять природоохранные государственные органы, включать экологические факторы в экономические модели и принимать на их основе экономические решения и т. д.

В концепции устойчивого развития акцент на глобальный экономический рост сочетается с призывом использовать экологически чистые технологии и рационально расходовать природные ресурсы, которыми необходимо компетентно управлять.

Следует отметить, что эти три ключевых элемента устойчивого развития — экономический рост, экологически безопасные технологии и более рациональное использование природных ресурсов — подразумевают, что главными действующими лицами являются великие мировые державы, международные институты развития, национальные правительства

и транснациональные корпорации. Правда, в то же время подчеркивается необходимость поощрения участия в экологической повестке и других групп, например, неправительственных организаций (НПО), групп коренного населения и женщин. Таким образом, устойчивое развитие является нисходящей стратегией, поиском консенсуса среди остальных социальных групп.

Следует отметить, что эти три ключевых элемента устойчивого развития — экономический рост, экологически безопасные технологии и более рациональное использование природных ресурсов — подразумевают, что главными действующими лицами являются великие мировые державы, международные институты развития, национальные правительства

и транснациональные корпорации. Правда, в то же время подчеркивается необходимость поощрения участия в экологической повестке и других групп, например, неправительственных организаций (НПО), групп коренного населения и женщин. Таким образом, устойчивое развитие является нисходящей стратегией, поиском консенсуса среди остальных социальных групп.

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Это область академических исследований, где для анализа экологических проблем применяются неоклассические экономические принципы. Эта школа представляет собой реформистское течение неолиберальной мысли, цель которого состоит в том, чтобы ответить на вызовы экологической повестки. Таким образом, экологическая экономика направлена

возникают из-за сбоя рынка. Философ-утилитарист Дэвид Пирс объясняет: основная проблема заключается в том, что многие из «экологических услуг» предоставляются «бесплатно». Их стоимость — ноль. Просто потому, что нет рынка, где бы проявлялась их истинная ценность. Однако природные ресурсы и экосистемы выполняют экономические функции и все же имеют экономическую цен-

Экономика окружающей среды как школа социально-экологической мысли начинается с предположения, что природные ресурсы и экосистемы выполняют экономические функции и имеют экономическую ценность, а экологические проблемы возникают из-за сбоя рынка.

ность. И если рассматривать их стоимость как равную нулю, то существует риск их чрезмерной эксплуатации (Pearce 1989, 5–6).

В ситуациях, когда экологические услуги рассматриваются как бесплатные, ученые, представляющие школу экономики окружающей среды, выдвигают концепцию «внешних эффектов». Они возникают, когда про-

на решение экологических проблем посредством рыночного подхода. С точки зрения этой школы социально-экологической мысли, адекватно встроить экологические проблемы в неоклассическую теорию экономики нельзя.

В этом смысле экономика окружающей среды как школа социально-экологической мысли имеет много похожих черт со школой устойчивого развития и начинается с предположения, что экологические проблемы

изводство или потребление товаров и услуг порождает некомпенсируемые издержки у какой-нибудь третьей стороны, то есть в общем виде внешние эффекты — это некомпенсируемые воздействия (как положительные, так и отрицательные) одной стороны на другую, не отраженные в рыночных ценах.

Учитывая тот факт, что внешние эффекты лежат вне сферы действия рынка, для смягчения негативных последствий или

стимулирования позитивных эффектов денежных стимулов недостаточно. Поэтому тот же Дэвид Пирс (Pearce 1989) рекомендовал дополнить традиционные инструменты регулирования отрасли (стандарты, запреты и штрафы) другими инструментами, например, экологическими налогами и передаваемыми «разрешениями на загрязнение». Примером последнего являются углеродные квоты, которые позволяют богатым странам покупать у бедных права на выброс парниковых газов.

Экологические внешние эффекты пытались учитывать путем анализа затрат и выгод; по сути, присвоить цены экологическим аспектам. Однако такой подход имеет и свои сложности. Например, как цена здоровья может быть получена из здоровой окружающей среды? Как оценить биоразнообразие или сохранение окружающей среды для будущих поколений?

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Экологическая экономика в значительной степени является критикой экономики окружающей среды из-за того, что последняя так и не смогла найти ответы на поставленные вопросы и адекватно встроить экологические проблемы в неоклассическую теорию.

Один из основателей школы экологической экономики Роберт Констанца говорит, что экологическая экономика не стремится стать ни отраслью экономики, ни отраслью экологии. «Скорее, это мост не только между

экономикой и экологией, но и между психологией, антропологией, археологией и историей» (Constanza, 1991).

Одной из важных работ школы является работа румынского ученого Джорджеску-Рёгена (Georgescu-Roegen, 1971), где он опирался на закон энтропии, определяющий необратимый процесс. Суть в том, что механическая энергия, используемая в промышленности, преобразуется большей частью в тепло, а тепловая энергия после рассеяния никогда не станет снова механической энергией. То же самое относится и к природным ресурсам, которые составляют ограниченный невозобновляемый капитал. И так как экономический процесс по своей природе энтропийный, то сокращение производительности — его неизбежное следствие.

По мнению другого представителя школы М. Фабера (Faber, 1996), экологическая экономика ориентирована на исследование природы, справедливости и времени. Она рассматривает вопросы равенства между поколениями, необратимость изменений окружающей среды и неопределенность долгосрочных результатов.

Х. Мартинес Альер объясняет разницу между неоклассической экономикой и экологической экономикой следующим образом: «Неоклассические (...) экономисты полностью пренебрегли биофизической основой. Современная экологическая экономика (в отличие

от неоклассической) видит, что человеческая экономика погружена в более обширную экосистему» (Martinez Aller, 1994, 41–42).

Экологическая экономика охватывает различные типы капитала (естественный, социальный, культурный, человеческий). Только рассматривая их вместе, экологическая эко-

серьезности экологических проблем). Кроме того, экологическая экономика не может решить проблему распределения благ между поколениями (Daly, 1996; Martínez, 1994; 1997), так как на рынках невозможно вести переговоры с будущими поколениями. Представители школы считают, что анализ затрат и

выгод является недостаточным, когда он основан главным образом на денежных расчетах, и вводят понятие интернализации внешних факторов. А движущей силой интернализации делают экологические социальные движения (O'Connor, 2002; Martínez, 1994). В этом смысле экологическая экономика пересекается с политической экологией, которая изучает

Экологическая экономика пересекается с политической экологией, которая изучает влияние политических движений на экологию. А политическая экология – это попытка применить инструменты радикальной политической экономии для анализа экологических проблем.

номика может достичь трех взаимосвязанных целей: устойчивого масштаба (1), справедливого распределения ресурсов (2) и эффективного распределения ресурсов (3). Таким образом, этот иерархический подход знаменует собой эволюцию концепции устойчивого развития, где приоритет не задавался.

Однако отсюда в экологической экономике появляется слишком много неопределенностей, цены зависят от множества факторов (распределения доходов, политических факторов, культурных ценностей и мнений о

те же движения и их влияние на экологию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Политическая экология — это междисциплинарная школа мысли, возникшая в 1980-х годах. Она представляет собой попытку применить инструменты радикальной политической экономии для анализа и изучения экологических проблем (Grinberg and Park, 1994; Briant and Baily, 1997; Watts 2000).

Начиная с 1990-х годов растет количество концепций, связанных с одним и тем же

термином, что затрудняет его теоретическое обобщение. Так, американские ученые Брайант и Бейли (1997) выделяют пять концепций, объясняющих, чем занимается политическая экология): 1) исследование конкретного типа деградации окружающей среды (эрозия, обезлесение или токсическое загрязнение); 2) исследование алгоритмов и механики создания дискурсов, чтобы лоббировать или блокировать интересы различных участников экологических процессов; 3) исследование взаимодействия экологических и политических проблем в рамках конкретного географического региона; 4) исследование экологических и политических проблем с учетом социально-экономических характеристик населения: класса, этнической принадлежности, пола и т. д.; 5) исследование конфликтов (и сотрудничества) в результате взаимодействия между различными субъектами, которые часто имеют различные цели и интересы.

Впрочем, с нашей точки зрения, политическая экология может быть разделена на три больших блока.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН ДЕГРАДАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В большинстве работ в этой области цель исследований состоит в том, чтобы продемонстрировать, что капитализм сам по себе вызывает деградацию окружающей среды

(Foster, 1994; Foladori, 2001) или объясняет причины ухудшения экологии на периферии мировой экономики «эко-империализмом» (Faber, 1993).

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОГО ЭЛЕМЕНТА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Некоторые политические экологи (Lipietz, 2002) напрямую связывают политическую экологию с международными эко-движениями, и с этой точки зрения, «политическая экология — это еще и наука о человеке, или, если быть более точными, сплав многих социальных наук и общественно-политическое движение, мобилизованное социальными проблемами, с которыми сталкивается политическая экология» (Lipietz, 2002, 25).

Как наука политическая экология включает в себя некоторые элементы марксизма и добавляет заботу об окружающей среде. Как движение она объединяет прогрессивные и маргинализированные слои населения (НПО, «зеленые» политические партии, бедных, коренные народы, женщин и т. д.) Политическая экология является «радикально реформистской» и включает в себя требования, которые идут «снизу» (речь идет, прежде всего, об альтерглобалистском движении).

В этом контексте в рамках политической экологии в первую очередь рассматриваются

конфликты между крупными капиталистическими компаниями (которые обычно пользуются государственной поддержкой) и бедными сельскими жителями. В ряде случаев первые хотят эксплуатировать природные ресурсы в коммерческих целях, а вторые хотят защитить свои традиционные средства к существованию, так как в основе сельских

того, являются ли они сами носителями языков коренных народов или «деиндеанизированных» крестьянами.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

Первые исследования, где постструктуралистский анализ применялся к дискурсам об окружающей среде, появились в начале 1990-х

годов (Sachs, 1993; Hildyard, 1993; Shiva, 1994). Начала активно применяться и техника «деконструкции», чтобы вычленил составляющие, стоящие за доминирующим дискурсом об устойчивом развитии.

В частности, экологи-постструктуралисты утверждают, что наиболее влиятельные участники международных отношений

Экологи-постструктуралисты утверждают, что наиболее влиятельные участники международных отношений (например, Всемирный Банк, МВФ) взяли на вооружение дискурс радикального сопротивления, изначально связанный с движением за охрану окружающей среды.

коммун лежит принцип экономического самообеспечения. Например, защита окружающей среды в Мексике включает борьбу коренных народов, живущих в сельских коммунах, с промышленным загрязнением и за справедливую торговлю (Nigh, 1992; Toledo, 2000). В частности, мексиканский исследователь Виктор Толедо считает, что главными действующими лицами таких движений являются «люди, происходящие из некоторых мезоамериканских культур» (2000: 62), независимо от

(такие как Всемирный банк, Международный валютный фонд, правительства развитых стран и транснациональные корпорации) взяли на вооружение дискурс радикального сопротивления, изначально связанный с движением за охрану окружающей среды. Они переформулировали его, чтобы он соответствовал их интересам. Таким образом, цель состоит в том, чтобы примирить двух давних врагов: экономический рост и сохранение окружающей среды, без необходимости

глубоких изменений в мировой экономической системе.

Колумбийский ученый Артуро Эскобар (Escobar, 1996) деконструирует доминирующий дискурс по устойчивому развитию и одновременно отмечает появление нового экологического дискурса, также связанного с экологическими социальными движениями, в основном на Юге. Он подчеркивает необходимость выстраивания альтернативных продуктивных рациональностей, которые более совместимы с потребностями маргинализированных сообществ и менее разрушительны для окружающей среды. Согласно Эскобару, те же альтернативы должны разрабатываться снизу вверх и подразумевать необходимость получения (или сохранения) местного контроля над природными ресурсами и спасения определенных элементов традиционных культур.

Таким образом, можно наблюдать парадигматическое разделение, которое делит пять школ экологической мысли, представленных в этой работе, в основном на две группы. Школы устойчивого развития и экономика окружающей среды являются реформистскими подходами, которые включают изменения, вызванные главным образом сверху вниз; в то время как экологическая экономика и политическая экология критикуют их и предлагают радикальные решения, идущие снизу вверх.

2. Современные тренды социально-экологического развития: экономика, политика, общественное сознание

В последнее десятилетие тема современных тенденций социального-экологического развития вызвала и продолжает вызывать множество дискуссий. По мере того, как растет число вызовов для мирового сообщества, связанных с климатическими изменениями, многочисленными социальными, политическими, экономическими и экологическими кризисами, становится важнее, чем когда-либо, понимать тенденции социально-экологического развития, которые при определенных условиях смогут изменить будущее.

Мы предлагаем кратко рассмотреть несколько новых трендов социально-экологического развития, которые покажут, каким путем, возможно, пойдет наше общество и как будет развиваться.

СНИЖЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСКОПАЕМОГО ТОПЛИВА

Ископаемые виды топлива — невозобновляемые источники энергии и основные причины климатических изменений. На долю же возобновляемых источников энергии сейчас приходится больше 25% (Center for Climate and Energy Solutions, 2020), и это свидетельствует

о том, что коллективные усилия по инвестированию в улучшение энергетической инфраструктуры успешны. Солнечная и ветровая энергии не только технологически перспективны сами по себе, но чрезвычайно перспективны наметившиеся тенденции к микрогенерации электроэнергии в домах с использованием этих технологий. Будь то ветряная турбина, солнечные батареи или даже геотермальная энергия — технология использования возобновляемых источников энергии становится все более доступной. Это, вероятно, позволит людям и дальше инвестировать в возобновляемые источники энергии, не затрачивая слишком много средств на их установку, использование и обслуживание.

СНИЖЕНИЕ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЯ

По оценкам сервиса OurWorld in Data, 13% населения в мире по-прежнему не имеют доступа к электрической энергии (OurWorld in Data, 2020). Использование возобновляемых источников энергии, особенно от местных производителей, возможно, уменьшит это число и снизит затраты на импорт и транспортировку энергии.

Еще одна из наиболее перспективных, на наш взгляд, тенденций современного социально-экологического развития, связанная с энергетикой, — это использование «умных технологий» в этой отрасли: электромобили (особенно для перевозки топлива),

светодиодное освещение, «умные» дома и здания, сертифицированные по стандарту LEED (программа сертификации зданий, которая подтверждает применение самых эффективных и экологических методов проектирования и строительства), кардинально могут изменить способ потребления энергии и ее потребляемое количество («умные» домашние устройства будут становиться все более энергоэффективными, либо потребляя меньше электроэнергии, либо активно препятствуя большему, чем нужно, расходу энергии).

Например, в законодательства ряда стран, прежде всего США, уже внедряются требования по улучшению освещения коммерческих зданий, которые выше определенного размера.

Электромобили вызывают повышенный интерес у потребителей, которые, как ожидается, в будущем будут покупать больше гибридных и полностью электрических автомобилей. Все знакомы с Tesla, однако уже и другие автопроизводители разрабатывают экологичные варианты машин.

ЕДА НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Потребление мяса оказывает огромное влияние на планету. Треть мировых пахотных земель используется для выращивания кормов, в то время как 26% безледной поверхности суши Земли используется для выпаса скота (Waitrose&Partners, 2018). Сегодня рост веганства является, пожалуй, одной из

основных тенденцией социально-экологического развития, которая будет наблюдаться в следующем десятилетии. Nestlé, крупнейший в мире продовольственный холдинг, утверждает, что «тенденция к потреблению растительных продуктов питания сохраняется» (Veganfoodandliving, 2020).

Возможность стать вегетарианцем, не тратя много времени и денег, в последние годы стала намного более доступной, что делает этот вариант гораздо более жизнеспособным для людей, которые, возможно, ранее исключали его из-за временных или финансовых ограничений.

Рынок «мяса без мяса» быстро растет, потому что большинство людей не заботятся о том, сделан их бургер или стейк из мяса или нет. Так как настоящее мясо дорогое в производстве и оставляет ощутимый экологический след, большинство людей предпочли бы купить менее дорогую альтернативу с таким же вкусом и текстурой: «вегетарианское мясо» вместо настоящего. Мясо, выращенное в лабораторных условиях, когда оно будет готово к массовому производству и рентабельности, может стать невероятно эффективной альтернативой настоящему.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

По данным Всемирной продовольственной организации ООН (ФАО), с каждым годом все больше сельскохозяйственных земель

деградирует и становится непригодно к использованию, утрачивается генетическое разнообразие сельскохозяйственных культур (ФАО, 2019). Поэтому сейчас тренд на восстановительное сельское хозяйство (система сельскохозяйственных принципов и методов, увеличивающих биоразнообразие и улучшающих экосистему) — эффективное противоядие от нынешнего истощения верхнего слоя почвы и приоритет для потребителей в развитых странах, чтобы обеспечить сохранение природных ресурсов.

При восстановительных агропрактиках применяется севооборот, используется большое разнообразие агрокультур (в противоположность монокультурам). Землю не удобряют химикатами и вообще стараются как можно меньше обрабатывать, чтобы избежать деградации почв. Как результат — земли снова становятся плодородными, а также удерживают больше влаги и углеродов, сокращая тем самым выбросы газа в атмосферу.

Тренд на восстановительное сельское хозяйство уже взяли на вооружение некоторые крупные бренды. Например, американский бренд одежды Patagonia производит ее из хлопка, выращенного с помощью восстановительного сельского хозяйства, так что эта тенденция, безусловно, является многообещающей, и масштабы, а также популярность восстановительного сельского хозяйства будут только расти.

«МЕДЛЕННАЯ» МОДА

Производство одежды считается одной из отраслей, которая наиболее сильно загрязняет окружающую среду. Быстрая мода создала культ «одноразовой» одежды, где очень мало вещей перерабатывается и большинство попадает на свалки: приблизительно 92 миллиона тонн отходов в год (Boston Consulting Group, 2015).

Малый и средний бизнес, занятый в производстве одежды для снижения масштабов загрязнений, стал не только внедрять системы для сокращения отходов на всех этапах производства модной одежды, но и специально снижать число вещей в коллекциях и само их количество, приучая таким образом людей к ответственному потреблению.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Одна из ключевых тенденций социально-экологического развития — кардинальное изменение потребительского поведения и растущее внимание к товарам многократного использования.

Начинают развиваться более точные характеристики так называемого «зеленого» потребителя, который ведет себя и потребляет по-другому, прежде всего потому, что он покупает с большей вероятностью те продукты, потребление которых помогает сохранить природные ресурсы.

«Зеленый» потребитель выбирает долговечные продукты, которые можно отремонтировать, если они придут в негодность. Кроме того, продукты, которые он покупает (это прежде всего относится к упаковке), должны быть изготовлены из биоразлагаемого сырья. В настоящее время эта продукция стоит дороже. Однако исследования показывают, что «зеленый» потребитель (по крайней мере в странах Европы) готов платить на 15–20% больше за органические продукты (Food Navigator, 2019).

РОСТ ЭКОАКТИВИЗМА

Экологические проблемы привели к тому, что в последнее время среди потребителей растет так называемый тренд осведомленности. Потребители хотят знать все о продуктах, которые они покупают: как они упаковываются, какова позиция компании-производителя по таким экологическим вопросам, как изменение климата, вырубка лесов и переработка отходов.

При этом сегодня экоактивистами могут выступать не только потребители продуктов, которые производят компании, но и инвесторы, предприниматели и даже государственные лидеры, которые будут обращать все более пристальное внимание на этичность производителей, и лояльность потребителей будет все чаще переключаться на те компании, которые будут проводить более этичную

политику, связанную с социально-экологическими вопросами. В частности, миллениалы более чувствительны к вопросам сохранения экологии, поэтому они с большой вероятностью пойдут в компании, которые имеют специальные программы, вроде переработки материалов и их повторного использования.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДОСТОИНСТВО И СОЛИДАРНОСТЬ

Права человека — еще одно важное направление, которое сегодня является движущей силой повестки в области социально-экологического развития. Под этим мы понимаем такие вопросы, как инклюзивность, разнообразие, гендерное равенство, достойная работа и др.

В ближайшей перспективе давление на бизнес с точки зрения прав человека может возрасти, а это подразумевает фундаментальное изменение бизнес-процессов и даже миссий компаний, где фокус будет смещаться от процессов и продуктов на людей.

Ограниченный объем доклада не позволяет нам проанализировать больше трендов социально-экономического развития, однако отметим, что без кардинальной смены парадигмы текущей экономической модели и изменений в государственной политике социального, экономического и экологического баланса, обогащающего общество и не наносящего вред окружающей среде, будет крайне

сложно. Без этого все упомянутые тренды могут так и остаться на уровне тенденции и никогда не воплотиться в жизнь.

3. Глобализационный кризис как причина возникновения концепции обратной модернизации

Мы живем в мире, который меняется настолько быстро и настолько сложным образом, что трудно понять, какие факторы сейчас наиболее значимы и какие окажут наибольшее влияние на общество завтрашнего дня. Исторические пути могут быть очень разнообразными и их почти невозможно предвидеть. Кто, например, мог предсказать еще в 2019 году эпидемию коронавируса и последствия, которые она имела для всего мира?

Впрочем, уже сейчас, прежде чем размышлять о перспективах на ближайшие 10–20 лет, мы можем выделить основные, наиболее ярко проявляющиеся тенденции в современном обществе: это продолжающийся демографический рост, в основном в развивающихся странах, который оказывает серьезное влияние на потребление природных ресурсов. Революция в области финансов и коммуникаций, которая привела к быстрой интернационализации экономики и росту значимости транснациональных корпораций (ТНК). Одновременно с этим произошли процессы

глобальной интеграции, что привело к обогащению, но при этом с неравномерным распределением богатства и доходов в обществах.

Серьезные экологические проблемы из-за сокращения природных территорий вследствие роста урбанизации и увеличения площади пахотных земель, а также масштабные процессы эрозии, деградации и опустынивания многих из ранее использовавшихся сельскохозяйственных территорий. Новая промышленная революция, которая усилила дематериализацию экономики и привела к серьезным изменениям условий труда. И наконец, подрыв власти национальных государств.

Обо всех этих изменениях, которые мы испытываем здесь-и-сейчас, с различной степенью интенсивности и осознания, можно сказать, что они — это следствие процесса глобализации, которому мы подвергаемся. Эти преобразования в целом нейтральны, но в действительности каждое из них имеет свои сложные социальные, политические и культурные последствия, которые приносят пользу одним группам и лишения и трудности другим.

Скажем, усиление процесса демократизации само по себе является преимуществом, поскольку к принятию решений привлекаются различные социальные группы, демократия обеспечивает существование сильного гражданского общества. Однако эти же

социальные группы могут создать новые социальные конфликты, этнические противоречия или выступить причиной территориальных разногласий.

Экономическая либерализация и доминирование рыночных сил в экономике приводили к позитивным изменениям, повышая эффективность производства, однако другим результатом экономической либерализации стала ее высокая социальная цена: снижается заработная плата, растут безработица и бедность. Почти везде во всем мире правительства, чтобы обеспечить эффективность производства, реагировали одинаково: сокращали социальное обеспечение и расходы, приватизировали публичные компании и пытались заставить правительство функционировать скорее как компанию, ориентированную на частный рынок.

Глобализация капитала ускорила интеграцию мировой экономики, и это позитивный процесс для тех стран, которые достаточно сильны, чтобы воспользоваться ее возможностями, однако это наносит ущерб более слабым странам и регионам, которые уязвимы перед лицом жесткой конкуренции.

До процесса глобализации национальные границы почти полностью соответствовали границам политической власти, а экономическая деятельность и международная торговля служили основным связующим звеном между автономными нациями. Сейчас существует

глубоко интегрированная глобальная экономика, где не только обмен, но и производство и финансирование организованы и сформированы в планетарном масштабе. Это способствовало перестройке государств. Национальные государства отныне вынуждены приспосабливаться к международным экономическим силам и подчиняться им, а национальные экономики становятся все более ото-

Глобализация капитала ускорила интеграцию мировой экономики. Это позитивный процесс для стран, которые достаточно сильны, чтобы воспользоваться ее возможностями. Но наносится ущерб более слабым странам, уязвимым перед лицом жесткой конкуренции.

рванными от социальных процессов в своих странах.

Такая политика ведет к большим социальным издержкам, поскольку правительства ограничивают спрос, сокращают государственные расходы. Если еще 10–15 лет назад власти могли идти на эти социальные жертвы и оправдывать их, заявляя, что они будут только временными и что коррекция курса экономики приведет к большему процветанию, то

сейчас ситуация изменилась. Старые рецепты не работают, и с их помощью уже нельзя преодолеть экономический кризис. Более того, именно они послужили причиной социальных потрясений, вызванных радикальной перестройкой экономики, чтобы окончательно сориентировать ее на свободный рынок. В развивающихся странах, которые имеют крупную задолженность перед между-

народными кредиторами, происходит резкое падение уровня жизни большинства населения. Отсюда в этих странах копится протестный потенциал и растет социальное напряжение. Последствия такой политики правительств мы видели в конце 2019 года в ряде стран Латинской Америки.

Что же необходимо сделать мировому сообществу,

чтобы способствовать созданию менее неравного и более «заботливого» мира? Прежде всего, нужны иные стратегии развития. С нашей точки зрения, глобальный фокус развития должен быть смещен к региональному и даже локальному, чтобы сформировать особые автономные стратегии развития и найти нужное равновесие между сохранением природы, продуктивным ее использованием в интересах человека.

Как справедливо полагает уругвайский ученый Эдуардо Гудинас, необходимо отказаться от концепции открытого регионализма¹ и начать развивать автономный регионализм, переориентировать международную торговлю на основе целей, связанных с сохранением качества жизни и природных ресур-

поиска необходимого баланса в дихотомии «человек — природа»: нужно порвать с современным коммерческим и утилитарным пониманием природы и представить ее как субъект права, ставя живую и неживую природу на один уровень с человеком.

Таким образом, эта биоцентристская концепция, выходящая за рамки утилитарных позиций, признает неотъемлемой ценностью все формы жизни, и природа является предметом ценностей и предметом прав. Это неизбежно приводит нас к размышлениям об экологической этике, социально-экологической справедливости и месте в концепции биоцентризма

Биоцентристская концепция признает неотъемлемой ценностью все формы жизни, поэтому природа является предметом ценностей и предметом прав. А человек в этой концепции утрачивает свое доминирующее значение.

сов (Gudynas, 2009). Впрочем, по мнению Гудинаса, это практически невозможно сделать в масштабах всего мира, поскольку в каждой стране разная культурная, экономическая и ресурсная ситуация.

Ряд исследователей и общественных деятелей, например, Моника Чухи (Chuji, 2007), предлагают более радикальные способы для

человека, где тот, совершенно, на наш взгляд, несправедливо утрачивает свое доминирующее значение.

Поэтому мы предлагаем обратиться к менее радикальным и более сбалансированным автономным концепциям социально-экологического развития, в том числе к предлагаемой нами концепции Vida Verde, или обратной

¹ Модель открытого регионализма предполагает значительную гибкость в отношении темпов интеграции. Открытый регионализм, в отличие от закрытых моделей интеграции типа ЕС, не предполагает установления жестких норм и требований в отношении прогресса стран-участниц по пути интеграции и ограничения свободы перемещения капиталов, рабочей силы и благ между интегрирующимся регионом и внешним миром. Страны могут одновременно участвовать в нескольких интеграционных группировках.

модернизации, которая подразумевает поиск нового баланса между экономикой, культурой и политикой для решения масштабных социально-экологических проблем.

Сейчас увеличение доходов и экономического благосостояния является ключом ко всем формам прогресса, не только в сфере материального комфорта, но и в сферах образования, здравоохранения, жилья, условий жизни и культуры. Идея Vida Verde заключается в том, что это положение должно быть кардинально пересмотрено. Если экономический рост связан с уничтожением природных ресурсов и ухудшением окружающей среды, это неприемлемо и становится все менее одобряемым. Кроме того, необходимо разграничить понятия развития (качественного) и роста (количественного) и признать, что устойчивое развитие не является синонимом роста. Это не означает игнорирование необходимости роста в некоторых секторах экономики, но означает разделение понятий «рост» и «развитие» ради ориентации на удовлетворение потребностей человека и сохранение природы.

Необходимо также бороться со стереотипом, что экономика естественным образом ориентирована на развитие культуры. Факт

растущего подчинения культуры и политики экономике не естественен и не следует из потребностей самого общества.

Учитывая угрозы культуре и окружающей среде, а также господство денег над обществом, концепция невмешательства должна быть отвергнута. Разрушение окружающей среды под воздействием неконтролируемого развития экономической деятельности свидетельствует о том, что природа не может рассматриваться как товар. Независимо от экологических проблем существует множество других товаров и услуг, в которых производство и распределение не могут регулироваться рынком: образование, здравоохранение и безопасность граждан. Во всех этих областях простой экономический расчет доходности не может быть достаточным, поэтому концепция невмешательства в эти сферы государства должна быть отвергнута, а процедуры оценки должны учитывать множество других социальных, культурных и экологических переменных. Необходимо, с учетом трендов социально-экологического развития, как можно быстрее разработать адекватную политику и критерии ориентации для нового общества, адаптированного к тому времени, в которое мы живем. ■

ГЛАВА II. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА VIDA VERDE

ГЛАВА II. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА VIDA VERDE

1. Общее благо как основа новой модели управления

Многие из окружающих нас вещей являются уникальными, неделимыми и не имеют конкретного владельца. Весьма нетривиальная задача — выделить и дать определение тому, что в природе, то есть в реальном мире, принадлежит всем и каждому.

Остановимся ненадолго на проблеме изменения климата как ключевом компоненте эколого-политического дискурса, связанного с пониманием важности и содержательности поставленной перед нами сложнейшей задачи — сформулировать исчерпывающий перечень явлений и предметов, которые мы можем называть «общественным», или «публичным», благом (public good) в экологической мысли и практике.

Я хотел бы объяснить разницу между терминами «публичное благо» (public good) и «общее благо» (common good). Когда я говорю о «содержательности» идеи «публичного блага» в социальной и политической экологии, то задаю вопрос: в какой степени экологическая мысль и производная от нее новая «экологическая» категория могут быть независимы от мысли экономической?

Человечество до конца не осознало, что изменение климата на планетарном уровне является реальной и опасной проблемой. Изменение климата из глобальной проблемы

превратилось в проблему декларативную — лишь еще один повод для политиков разных стран собираться вместе пару раз в год. Есть и еще одна проблема, которая, возможно, даже предвосхищает обозначенную выше мысль — у климата планеты нет ни декларативного, ни реального хозяина. Декларативного владельца ввиду его отсутствия заменили воображаемым владельцем (читай: человечеством в его совокупности), а значит и ответственность за публичное благо этого типа приобрела декларативный характер и никакого реального эффекта от нее быть не может.

Политики относительно поздно признали, что экологические проблемы требуют особого подхода. Лишь в 1970-х годах пришло понимание, что экологические проблемы имеют не только экономическое, но и социальное измерение. Социальный потенциал экологических проблем находит отражение в термине «качество жизни» (о нем позже).

Ответ административного аппарата на экологические вызовы (то есть государственная политика) основан на технократической модели и отталкивается от довольно простой предпосылки: возникновение экологических проблем является непреднамеренным последствием экономического роста. Согласно Нилу Картеру, административный аппарат может занимать одну из трех возможных

точек зрения — трех типов отношения к экологическим проблемам (Carter, 2007: 174). Первая — игнорирование; вторая — подчинение экологических интересов приоритетам экономического роста, то есть принесение экологических интересов в жертву своеобразному пониманию качества жизни людей (по сути — уровню благосостояния); наконец, третья предполагает, что мы помещаем экологические проблемы в полити-

ческую деятельность, связанную с проблемами окружающей среды — часть «традиционной парадигмы политики» со следующими характеристиками. Во-первых, такая политика может носить *реактивный* характер (действия происходят лишь в ответ на возникающие нежелательные ситуации — сама по себе система не предвидит и не пытается предотвратить будущие экологические проблемы). Во-вторых, она обладает *тактическим*

элементом: оперативные задачи выбираются осторожно, чтобы не ставить под угрозу базовые цели и интересы экономического и политического характера. В-третьих, принцип «*один за другим*»: экологические проблемы решаются в порядке очереди, что связано с планированием и составлением государственного бюджета (Картер, 2007: 174)

Однако политические

Политики относительно поздно признали, что экологические проблемы требуют особого подхода. Лишь в 1970-х годах пришло понимание, что экологические проблемы имеют не только экономическое, но и социальное измерение.

ко-институциональную рамку: если я верно истолковываю Картера, в современной либеральной демократии каждая экологическая проблема увязывается с определенным «правом» (например, правом на чистый воздух), но вместе с тем она становится объектом рыночных механизмов, а на рынке все имеет свою цену. По словам Картера, политическая

интересы, выдающие экономические цели за экологическую повестку и наоборот, максимально раскрываются в том случае, если ввести в дискуссию идею о качестве жизни. Один из первых теоретиков, занимавшихся вопросами социо-экологической политики в Сербии, профессор Данило Маркович, так определял качество жизни:

«Удовлетворение потребностей людей в определенных общественных условиях. Это удовлетворение должно создавать ощущение наслаждения от того, что потребности удовлетворяются соответствующим способом и в определенном объеме, и в рамках данной ценностной ориентации»
(Маркович, 2015: 181).

Это определение включает в себя ряд мыслей, не выраженных напрямую. В частности, то, что качество жизни включает в себя критерии, стандарты и условия, при которых человек способен поддерживать себя физически и умственно. Но те же критерии и стандарты имеют гуманистические и эстетические компоненты, которые позволяют человеку подняться над миром потребления и чисто биологической сферой существования (Маркович, 2015: 181). Таким образом, идея публичного блага произрастает из строгого и стерильного мира экономики. Только в таком случае мы можем говорить о функциональном значении публичных благ. Полноценно разглядеть и закрепить для себя идею качества жизни нам мешает известное и иногда пугающее понятие валового внутреннего продукта — ВВП. Мы должны ответить для себя на следующий вопрос: есть ли, помимо качества жизни, какие-то другие мерилы, способные с той же точностью, но при этом

более ответственно (с социальной точки зрения) измерять то, что измеряет ВВП? Как ни странно, но да, есть. Так, Организация экономического сотрудничества и развития разработала «Индекс лучшей жизни», а британский Фонд новой экономики создал «Международный индекс счастья» — и это лишь пара примеров.

Эти ключевые моменты могут позволить перейти от публичного блага к общему. Насколько реализуемы на практике идеи, заключенные в понятии публичного блага? Какие существуют ограничительные факторы? Первым из таких факторов, безусловно, является частично утопический характер самой идеи. Почему частично, а не полностью? Дело в том, что мы все же в состоянии здраво оценивать собственные управленческие возможности и понимаем, что не имеем доступа ко всей полноте данных. Эта недоступная нам информация (которую мы, возможно, и не пытаемся найти) связана со следующим вопросом: удавалось ли кому-либо когда-либо достичь равновесия между высоким качеством жизни, эффективным бизнесом и государственным управлением, с одной стороны, и уважением к природе, с другой? Вторым ограничивающим фактором является политическая власть, то есть наша способность распоряжаться публичным / общим благом и нести ответственность за их состояние. Речь идет о политических полномочиях, связанных с управлением

природными ресурсами. Политическое управление — разумеется, в демократическом понимании — включает в себя, помимо прочего, действия в отношении природных ресурсов, которыми вы в действительности даже не распоряжаетесь. Такое управление сопряжено с определенной ответственностью, если вы являетесь экологически сознательным членом общества.

Качество жизни включает критерии, стандарты и условия, при которых человек способен поддерживать себя физически и умственно. Они же имеют гуманистические компоненты, которые позволяют человеку подняться над миром потребления.

Общественное благо может быть декларативным и иметь свойства, которые я приводил выше, тогда как общее благо связано с естественной и неотъемлемой природой человека — прежде всего, с его экологическим сознанием. Индивид, обладающий экологическим сознанием, воспринимает чистый воздух как общее благо и прислушивается к призывам государства или экспертов. Экологически несознательный человек игнорирует

такие призывы. Он продолжит водить автомобиль, поскольку для него воздух как природный ресурс (то есть не просто чистый воздух) остается публичным благом — благом, у которого, как мы уже говорили, есть лишь декларативный, воображаемый владелец. Именно такая ситуация наблюдалась в Белграде в ноябре 2019 года: столица Сербии входила в пятерку самых загрязненных городов мира.

Публичные блага по определению открыты для использования всеми гражданами (Đukić, 2010: 192).

Учитывая эту тонкую грань между *публичным благом* и *общим благом*, когда ключевым дифференцирующим фактором является уровень экологического сознания людей, фактически распоряжающихся этими благами, мы подходим

к последнему важному свойству *публичного блага* как предмета рассмотрения экологии. Я называю это свойство *необратимостью*. Имеется в виду, что в масштабе человеческой жизни многие из благ могут быть необратимо потеряны или изменены. Более того, это свойство необратимости ведет к так называемому «*эффекту домино*», то есть самоуничтожению биосферы. Природные ресурсы могут быть истощены настолько, что нанесенный

им ущерб восстановить будет уже невозможно. Это вполне реальная проблема, которую мы должны признать — хотя с точки зрения устойчивого развития это больше, чем просто этический вопрос.

Ранее я упоминал о возможном крахе современной экономики. Я не просто так вводил понятия «публичное благо» и «общее благо» именно через экологическую призму: дело

Классическая система управления, модифицированная за счет включения «корпоративной экологической / социальной ответственности» может несколько смягчить традиционную нетерпимость по отношению к идее общего блага, но не предлагает оптимального решения.

в том, что общий знаменатель всех экологических проблем — вопрос о невозобновляемых природных ресурсах — должен, без всякого сомнения, стать отправной точкой при обсуждении вопроса о том, насколько более экологически-направленной и устойчивой должна стать экономика, чтобы пережить такой «апокалипсис».

Здесь следует отметить момент, который подчеркивала еще нобелевский лауреат Элинор Остром. Она считала, что знаменитая «трагедия общих ресурсов» Гаррета Хардина (ситуация, при которой ресурсы без конкретных владельцев неизбежно исчерпываются или используются нерационально) на самом деле не всегда оборачивается трагедией. По мнению Остром, сотрудничество, активный обмен информацией, привлечение третьих сторон (без административного аппарата или частного капитала), а также усилия по самостоятельному регулированию и коллективному управлению могут позволить сохранить общий ресурс.

Если мы хотим позиционировать идею общего блага как модель ответственного управления, необходимо рассмотреть матрицу Фелбера (Матрица общих ресурсов 4.1) и то, каким образом она включает в себя участников со своими ценностями. Я остановлюсь лишь на той части матрицы, которая связана с экологической устойчивостью. Поставщиков и инвесторов экологическая устойчивость затрагивает в контексте этического управления поставками и этического финансового управления. Для

сотрудников она означает продвижение эколого-ориентированного поведения. Для потребителей экологическая устойчивость предполагает выбор «зеленых» товаров и услуг. Наконец, в контексте окружающей среды устойчивость — это уменьшение негативного воздействия на окружающую среду (Felber, 2015: 22, 23). В нашем случае классическая матрица управления должна претерпеть ряд изменений с учетом того, что идея общего блага несет собственный этический компонент. Если мы примем взгляд Друкера на понятие управления (Drucker, 1980: 14,15), то в этой концепции необходимо найти этический фактор, то самое общее благо — иными словами, очертить область ответственности. Матрица Фелбера — отличная отправная точка для того, чтобы дополнить понятийную систему Друкера. Системе управления не хватает экологического измерения — того самого, который Фелбер выделил в своей матрице. Именно оно имеет решающее значение, когда речь идет об общем благе. Возникает вопрос, может ли корпоративная социальная и особенно экологическая ответственность заменить антиэкологический элемент классического менеджмента. Подходящее определение корпоративной социальной ответственности можно найти у Котлера и Ли. По их словам, «корпоративная социальная ответственность — это стремление повышать благосостояние общества посредством свободного (по своей инициативе) внедрения

соответствующих деловых практик, финансируемых за счет корпоративных ресурсов» (Kotler, Lee, 2007: 3).

Классическая система управления, модифицированная за счет включения «корпоративной экологической / социальной ответственности» может лишь несколько смягчить традиционную нетерпимость по отношению к идее общего блага. Однако она не предлагает оптимального решения.

Третий возможный путь — это идея «зеленого управления», то есть эко-управление. Оно понимает природу как организационную систему и находится под контролем общества, подчиняется его воле, его целям и интересам и в первую очередь озабочено «экологическими показателями». В частности, речь идет о сокращении и контроле за использованием природных ресурсов: это экономичное использование сырья, сокращение отходов, сокращение объемов используемой воды, энергии, транспортных средств и упаковочных материалов. Пока частная собственность в том или ином виде распоряжается общим благом (или использует его), такое решение не может быть ни оптимальным, ни рациональным. Сутью изменений, направленных на построение устойчивого будущего, будет сдвиг в самой философии экономики и управления: идеи солидарности, сотрудничества и сохранения невозобновляемых природных ресурсов вместо экономической целесообразности.

2. Общевропейский проект «экономика для общего блага»: воплощение идеи общего блага

Ранее я уже упоминал утопизм как ограничивающий фактор практической реализации идеи общего блага. Однако необходимо понимать, что этот фактор утопизма, воспринимаемый нами как отрицательный, на самом деле является не более чем выдумкой. Так, Фелбер приводит почти 15 примеров успешного функционирования экономики общего блага за счет сотрудничества и солидарности как альтернатив материализму и идеологии потребления — таким образом, выполняются предварительные условия создания свободного «эко-социалистического» общества.

Поэтому обретает смысл комплекс вопросов о возможности переосмысления экономики, ее переориентации на экологические и моральные принципы. Это своего рода третий путь.

Третий путь предполагает, что выход из кризиса состоит в укреплении кооперативов таким образом, чтобы последние были не просто организационной единицей, внутри которой протекает производство, продажа и потребление, но и сообществами, ведущими одинаковый или сравнительно схожий образ жизни. В этом смысле их можно

рассматривать как добровольно избранный способ реализации первичных экономических интересов — в традициях субкультурных движений второй половины прошлого века. В частности, я имею в виду движение хиппи и связанные с ним идеи коммунизма (общинности), отступничества, свободы и добровольно избранного образа жизни, граничащего с изоляционизмом. Однако подобная практика абсолютной экономической свободы (если ее можно так назвать) оказалась нежизнеспособной и не реализуемой до конца, если взглянуть на опыт прошлого.

Прежде чем перейти к рассказу об общем европейском движении «Экономика для общего блага», я должен отметить, что в Сербии, как и в других славянских странах, понятие «кооператив» (на сербском — «задруга») существовало еще в XIX веке и дожило до сегодняшних дней, несколько раз слегка поменяв смысл. Суть понятия «кооператив» прекрасно описана в 1872 году первым сербским социалистом Светозаром Марковичем:

«В кооперативе отражены коллективная работа и семейная жизнь... С экономической точки зрения, кооператив является базовым объединением людей для производства и потребления. Однако есть одна экономическая особенность, отличающая кооперативы от современных семей:

*кооператив сам производит все
необходимое для людей, входящих в него....
Потребности всех членов сообщества
невелики и могут быть удовлетворены
за счет внутреннего производства»
(Marković, 1872, 7–15).*

Нечто подобное можно найти и у Фелбера, который в своей книге приводит примеры экономической эффективности, демократии

экологические и социальные стандарты современного мира рухнули под тяжестью корпораций, которые в гонке за прибылью начали обретать власть не только над отдельными людьми или социальными группами, но и над целыми государствами. Вторая политическая предпосылка: это движение имеет много общего с движением «отрицательного экономического роста», основанным на утверждении, что человечество достигло предела своего

экономического роста и что дальнейший рост невозможен. Третья политическая предпосылка сводится к тому, о чем я писал выше — «третий путь» («Экономика для общего блага»). При этом необходимо понимать, что, согласно сторонникам этого «третьего пути», капиталистическая и коммунистическая концепции потерпели неудачу. Хотя обе эти политико-экономические

Выход из кризиса состоит в укреплении кооперативов, причем, чтобы последние были не просто организационной единицей, внутри которой протекает производство, продажа и потребление, но и сообществами, ведущими схожий образ жизни.

«с низов» и сотрудничества как в развитых, так и в слаборазвитых странах. Это и крупнейший кооператив в Испании — баскская Мондрагонская кооперативная корпорация (МСС), и Regionalwert AG в Германии.

Каковы базовые политические положения или предпосылки «Экономики для общего блага»? Первая политическая предпосылка:

системы в том или ином виде продемонстрировали свою экологическую безответственность, пока что рано говорить об их полном крахе. Именно поэтому я продолжаю говорить о новом типе экономики как об альтернативе.

Второй основой новой экономики являются предпосылки этического характера.

Первая этическая предпосылка этого общеевропейского движения связана с вопросом о назначении бизнеса как такового. Сегодня это назначение — не финансовое обогащение, а удовлетворение потребностей людей. О каких потребностях идет речь и какова требуемая степень удовлетворения этих потребностей? Здесь мы сталкиваемся с той же

Общество, в приоритете у которого находится общее благо, позволяет всем людям взаимодействовать друг с другом с терпимостью и взаимным уважением к человеческому многообразию и многообразию образов жизни.

ловушкой, что и при рассмотрении основных принципов «устойчивого развития». О каких потребностях идет речь: о материальных или нематериальных? Говорим ли мы о базовых потребностях или о чем-то более высоком?

Прежде всего необходимо признать, что у разных людей разные потребности. Ценностная ориентация людей, которые остро нуждаются в чистой воде или здоровой пище, отличается от ценностной

ориентации людей, мечтающих о дорогих часах или автомобилях. Эта мысль, в свою очередь, поднимает вопрос об этических показателях. Фелбер в своей книге определяет этические показатели следующим образом: человеческое достоинство; солидарность и социальная справедливость (это две тесно связанные ценности, основанные на сочув-

ствии, признании ценности другого, сострадании и равенстве возможностей); устойчивость окружающей среды; демократическое участие (эту идею можно интерпретировать через призму югославского опыта социалистического самоуправления), то есть прозрачность и совместное участие в принятии решений. Эти этические

принципы прочно связывают между собой поставщиков, инвесторов, работников и потребителей. Как результат, качество продуктов повышается, они становятся дешевле, долговечнее и экологически безопаснее, а работники получают возможность работать в достойных условиях.

В дополнение к политическим и этическим принципам, общеевропейский проект «Экономика для общего блага» имеет интеграционный компонент. Ряд местных

и региональных сообществ в Европе и Америке (более 500), функционирующих в соответствии с матрицей коммунализма, разработали и реализуют собственную идею унификации, то есть расширения. Как подчеркивается в их программах, местные инициативы становятся региональными, а региональные переходят на глобальный уровень. Это шаг к новому социально-политическому развитию и экономической политике будущего, которая основана на следующих положениях и ценностях. Общество, в приоритете у которого находится общее благо, позволяет всем людям взаимодействовать друг с другом с терпимостью и взаимным уважением к человеческому многообразию и многообразию образов жизни; определять личные ценности, ставить личные цели, находить свою идентичность и полностью раскрывать свой потенциал; развивать их таланты и навыки и таким образом помогать им вносить вклад в общее благо; активно участвовать в политике, принимать демократические решения и тем самым помогать формировать наше общее будущее. Экономика подчиняется общему благу. Потребление природных ресурсов происходит в пределах границ нашей планеты. Творческая деловая активность ведет к инновационным решениям ради общего блага. Налоги, пошлины,

займы, государственные закупки и развитие бизнеса направлены на укрепление общего блага. Сельское хозяйство создает разнообразные культурные ландшафты и поддерживает естественную основу жизни. Страны ведут сбалансированную международную торговлю, соблюдая нормы этики и нравственности. Прерогатива применения физической силы за пределами национальных границ находится в руках реформированной и демократизированной Организации Объединенных Наций. Люди освобождены от нездоровой компульсивной тяги к постоянному потреблению, к накоплению капитала и экономическому росту. Наши отношения с землей, на которой мы живем, такие же здоровые, как и сама земля². Как утверждают лидеры этого движения, если мы будем уважать эти принципы и это видение, а также идею расширения коммун, можно будет создать новую экономику: устойчивую, справедливую и демократическую. В политическом, а также в экологическом смысле создание этих коммун представляет возможность отойти от утопической идеи и перейти в сферу практических изменений. Объединение коммун в общеевропейское движение — это лишь начало, то есть первый шаг на пути к новому измерению, в котором утопия является достижимой на практике.

² <https://www.ecogood.org/what-is-ecg/vision-and-values/> (дата обращения: 10.05.2020).

3. «Зеленая» политика: институционализация экологических движений в Европе, последствия и перспективы

Производственные коммуны, создаваемые в рамках инициативы общеевропейского проекта «Экономика для общего блага», на самом деле являются одним из новых этапов развития экологических движений. Следует более подробно рассмотреть причины зарождения современных экологических движений.

Одна из причин связана с тремя смежными явлениями в развитии современных политических обществ. Во-первых, это закрепление и расширение гражданских свобод во второй половине XX века, открывшее путь к различным формам самоорганизации социальных групп, особенно вне сферы классических объединений, таких, как политические партии. Во-вторых, современные государства постепенно снижают влияние на процесс формирования будущего общества — вместо этого они сосредоточились на традиционных вызовах и проблемах в экономической сфере. Третье явление — это новые способы формирования политического интереса, а также новый способ реализации этого политического интереса на практике.

Сами же экологические движения возникли по двум очень важным причинам.

Первая — это целый набор неудовлетворенных потребностей в существующем обществе; вторая — прямой запрос на изменения в существующей системе (Pavlović, 1987: 147). Экологические движения кажутся аполитичными, однако их аполитичная, в формальном понимании, природа на самом деле представляет собой ту же политику, понимаемую по-новому — через призму самоорганизации интересов. Изначально такая самоорганизация зародилась в виде критики «количественного» экономического роста и, в особенности, в виде критики развития промышленности и технологий. Современные экологические движения подчеркивают необходимость экономии ресурсов, повторного использования ресурсов, производства товаров с продолжительным сроком службы, а также децентрализации экономики, что позволит использовать экологически чистые технологии (Marković, 2015: 444). В сфере политики экологические движения выделяют необходимость расширения участия граждан в процессе принятия решений, а в сфере культуры — важность развития у граждан экологического сознания, формирования альтернативных подходов к жизни и работе, а также необходимость смены системы ценностей.

Развитие экологических движений никогда не было линейным. С момента появления и до сегодняшнего дня экологические движения прошли четыре этапа развития.

Правильнее будет сказать, что это были четыре волны, которые сотрясли основы классической, то есть консервативной, демократии.

Я буду говорить о европейских «зеленых» движениях, поскольку весь остальной мир шаг в шаг последовал за пробудившимся европейским экологическим сознанием.

Первый этап становления европейских экологических движений — так называемое

включали защиту окружающей среды, рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов, изменение стратегии в области энергетики (радикальный антиядерный активизм), демократию «с низов», установление глобального мира и разоружение, а также нормализацию альтернативного образа жизни, основанного на постматериалистических ценностях. Предполагалось, что все-

го этого можно достичь (в большей или меньшей степени) путем политического давления на правительства в сочетании с акциями гражданского протеста.

Однако политическая реальность разошлась с ожиданиями, и начался переход ко второму этапу, на котором первоначально аполитичные экологические движения начали трансфор-

Экологические движения возникли по двум очень важным причинам. Первая — это целый набор неудовлетворенных потребностей в современном обществе; вторая — прямой запрос на изменения в существующей системе.

пробуждение и зарождение. На этом этапе происходило формирование основных идей, а также выбор целей и средств, причем весь процесс зарождения экологических движений в начале 1970-х характеризовался спонтанностью. «Зеленые» движения сформировались из различных групп по интересам, гражданских инициатив и даже организаций эко-террористов (Nadić, 2012: 82–93). Основные цели первых современных экологических движений

мироваться в политические партии, то есть в партии «зеленых». Происходила институционализация эко-движений, в ходе которой они в некотором смысле утратили собственную идентичность. Спонтанность и активизм уступили место организационной работе. Акции протеста на улицах превратились в рутинные голосования в парламенте.

Третий этап включал в себя полную маргинализацию экологических движений и их

исключение из процесса принятия решений относительно экологического будущего на национальном и глобальном уровнях. На этом этапе на политическую сцену вышла концепция экологической модернизации. Она была основана на технологических достижениях, связанных с защитой окружающей среды (и их дорогостоящей реализаци-

Невозможность изменения экономической системы на глобальном и национальном уровнях не означает отказ от этих изменений. Они могут быть достигнуты путем создания альтернативных сообществ, развивающихся параллельно глобальной системе экономики.

ей), и представляла собой «технократическую административную модель для решения экологических проблем, созданную в результате идеологического и цивилизационного компромисса между неолиберальной экономической и социально-политическими задачами защиты окружающей среды в условиях глобализации» (Nadić, 2012: 125).

Некоторые глобальные экологические движения (которые, благодаря своему

международному измерению, не трансформировались в партии) сумели преодолеть маргинализацию и дали вновь услышать о себе, переродившись в своего рода экологические корпорации, но сохранив при этом цели, методы и приемы борьбы, используемые ранее. Почему я называю их экологическими корпорациями? Потому что теперь, благодаря

присутствию в медиа-пространстве, их успешность определяется не только результативностью их действий, но и экономической эффективностью, то есть прибылью. Тем из экологических движений, которые каким-то чудом выжили, избежали ловушек классического парламентаризма и не превратились в политические партии, удалось сохранить образ «борцов против

системы», но вместе с тем они приобрели репутацию «сумасшедших», выступающих против строительства автомагистралей, новых взлетно-посадочных полос и т. п.

Четвертый и последний этап я бы назвал «возвратом к подлинным ценностям». Это этап «воскрешения», когда экологические движения перерождаются в практику сбора «коммуны». Он воплощает в себе постматериалистические ценности в сочетании с

альтернативным экономическим видением общинного единства, сотрудничества и солидарности во всем, что связано с производством и потреблением. Ценности были приведены в соответствие с идеями здорового образа жизни (производство экологически чистых продуктов питания, здоровое питание, веганство и вегетарианство, духовность во всех возможных проявлениях и т. д.). Вместо продажи кружек и футболок эко-активисты теперь занимаются производством и продажей здоровой пищи. Четвертый этап — это также возврат к природе. Как писал Добсон, «для устойчивого и созидательного существования человек должен радикально изменить свое отношение к природе и пересмотреть основы своей общественно-политической жизни». С другой стороны, все это можно интерпретировать как временную моду, повальное увлечение, на смену которому скоро придет что-то новое. Жизнеспособность экологических движений, повернувших в сторону коммунализма и организации производства внутри сообщества, будет зависеть, помимо прочего, от их положения в рыночной экономике — безотносительно последствий изоляционизма, свойственного для такого типа объединения людей.

Невозможность изменения (в обозримом будущем) существующей экономической системы на глобальном и национальном уровнях не означает, что мы должны отказаться

от этих изменений. Они могут быть достигнуты путем создания сообществ, которые развивались бы параллельно с глобальной системой экономики, тем самым доказывая, что альтернатива существует — и что она устойчива.

Текущая ситуация такова (в этом я уверен), что «зеленые» движения в Европе пойдут по пути развития мировых экологических движений, а те, в свою очередь, будут ориентироваться на Европу.

В политическом смысле, это реализация тех идей, которые отстаивали («проповедовали») экологические движения в Европе с самого начала. Неготовность политических институтов и населения даже допустить состоятельность и справедливость альтернативных идеологических, политических и экономических построений привела к тому, что «зеленые» движения сегодня вырождаются в экономико-экологические объединения. Глобальный экономический кризис 2007 года особенно поспособствовал этому. Учитывая циклический характер кризисов капитализма, в настоящее время усугубляемых еще и пандемией вируса COVID-19, я готов предположить, что описанные выше эко-сообщества продолжат возникать и развиваться. В некотором смысле это доказывает, что даже не до конца достижимая утопия лучше, чем антиутопия — особенно антиутопия экологическая. ■

ГЛАВА III.

VIDA VERDE В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ: КОНЦЕПЦИЯ BUEN VIVIR В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ФУНДАМЕНТ ОБРАТНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

О
м Вос
литическ
зация
Vida
Центр изучения

1. Концепция общего блага как постколониальная альтернатива

«Зеленая экономика», как справедливо отмечают некоторые исследователи, не всегда способна адекватно (а главное — своевременно) ответить на вызовы устойчивости и неравенства, которые являются следствием концепта «развития» (в его западной культурной традиции). Аргументируя свой посыл, они идут дальше, заявляя, что сам термин «устойчивое развитие» — оксюморон³. Такой подход способствует появлению альтернативных вариантов социально-экологического будущего, формирующихся вне системы координат линейного (читай: несправедливого) экономического роста. Так, шведский политолог Р. Лаландер резонно подчеркивает, что текущей задачей становится критический пересмотр императивов развития (Santos, 2016). Следует

отметить, что альтернативные модели не могут быть сведены к единственно верной схеме, но их появление — результат радикальных изменений, идущих от локального уровня к глобальному. Их главной целью становится активная политизация дискуссий по вопросам необходимой социально-экологической трансформации, где несогласие с существующими в мире представлениями сопровождается предложением собственного видения (Swyngedouw, 2007). Результатом такого процесса становится критика парадигмы потребления и производства, которая была навязана «Глобальным Севером» (Escobar, 1995; Rist, 2008).

В настоящее время в мире активно развивается глобальное движение де-роста (анти-роста)⁴, которое выступает за контролируемое сокращение экономического производства и потребления, чтобы, по словам Лаландера, достигнуть баланса между

3 Традиционная для западного мировоззрения модель развития представляет собой ментальную установку, которая была навязана остальному миру и которую необходимо деконструировать [Latouche, 2009]. Сторонники данного подхода заявляют о «токсичности» самой категории развития, которую следует отвергнуть [Dearden, 2014], из-за чего понятие «устойчивое развитие» представляется им оксюморном.

4 Термин «де-рост» (анти-рост) введен в научный оборот в 1972 г. французским леворадикальным философом и социологом Андре Горцем, который был вдохновлен работой Николаса Джорджеску-Регена «Закон энтропии и экономический процесс» (опубликованной годом ранее). Другие французские авторы стали прибегать к данной категории после выхода в свет «Пределов роста» — доклада для Римского клуба (1972). Как отмечает Ф. Дэмария, в 2001 г. «де-рост» стал использоваться экологическими активистами в качестве провокационного лозунга для политизации дискуссий по проблемам окружающей среды. Его сторонники придерживаются гипотезы о том, что современные общества могут жить лучше с меньшими затратами, которая объединяет различные концепции и предложения (Demaria et al., 2013). Этот критический подход, несомненно, бросает вызов гегемонии экономического развития, требуя демократически обусловленного перераспределения/сокращения производства и потребления в промышленно развитых странах для достижения экологической устойчивости.

людьми и природой. Этот подход, возникнув как интеллектуальная единица для объяснения процессов развития в богатых странах, очень скоро стал актуален для государств «Глобального Юга» (Demaria et al., 2013). Так, экосоциалист Джон Беллами Фостер, размышляя над вопросом, означает ли подобная критика развития то, что следует покончить с амбициями экономического прогресса, приходит к противоположному выводу. Однако столь же резонным становится требование отказаться от одержимости последним как панацеи для решения всех проблем (Santos, 2016). По этой причине такие альтернативные подходы, как де-рост, Buen Vivir или экологический сварадж (радикальная экологическая демократия)⁵, предлагают нам модели поведения, отличные от уже устоявшихся (Kothari et al., 2014). Им на руку играют обеспокоенность мирового сообщества по поводу усугубления экологических проблем, вызванных деятельностью человека, а также рост социального неравенства, который мы можем наблюдать в течение последних трех десятилетий. Эти процессы, с учетом доминирования в них

государства, как отмечает американский географ-марксист Д. Харви, еще больше обостряются из-за ускоренных темпов расширения капитализма (Harvey, 2014).

Что касается опыта обратной модернизации, весьма интересным является пример некоторых стран Латинской Америки, где получила развитие концепция Buen Vivir. Ее центральные категории достаточно радикально объясняют процессы развития, а также ряд других ключевых сегментов современного бытия, вместе с тем предлагая альтернативные варианты поведения. Подобный подход показателен для тех глубоких изменений, которые произошли в знании, а также иных форм восприятия (избегая ставшего уже традиционным бинарного деления) отношений между человеком и природой. По сути, напрямую отождествлять Buen Vivir с благополучием или же сводить к категориям идеологии и культуры — значит тем самым упрощать его. В зависимости от конкретной локации она принимает собственные формы, адаптируя традиционное к внутренней механике современности.

5 Экологический сварадж, трактуемый как «радикальная экологическая демократия» (Ecological Swaraj, Radical Ecological Democracy — RED) базируется на опыте низовых сообществ и гражданского общества Индии. В его основе лежат принципы самоуправления и самообеспечения, которые помогают учитывать пределы природы и уважать права других живых существ, стремясь при этом соблюдать ценности социальной справедливости и равенства. Как отмечает индийский эколог А. Котари, данный концепт дает каждому человеку возможность участвовать в принятии решений, а его целостное видение благополучия охватывает физические, материальные, социокультурные, интеллектуальные и духовные уровни. Будучи развивающимся мировоззрением, экологический сварадж представляет альтернативу идеологии и указаниям, спускаемым «сверху», хотя может учитывать отдельные их элементы, трансформируя их под себя.

Считается, что первые упоминания об идеях, которые впоследствии легли в основу Buen Vivir, возникли в середине XX века. Однако в своем текущем виде эта парадигма стала формироваться в 90-х годах прошлого столетия. Справедливо подчеркивается, что важную роль в становлении этой концепции в Эквадоре и Боливии сыграли индейские интеллектуалы, которые на протяжении указанного периода заявляли о Buen Vivir как о политическом

коренных жителей региона. Показательно, что поддержка этого концепта со стороны социальных движений и НПО и конституционное признание способствовали его включению в социально-политический дискурс в Боливии и Эквадоре. Это обстоятельство стимулировало появление различных вариаций Buen Vivir, которые учитывали особенности социального, исторического и экологического контекста. Не последнюю роль в этом процессе сыграли

инновационные подходы и синкретизация концепций, где традиции коренных народов сочетаются с критикой процессов модернизации. Среди них можно отметить Suma Qamaña в культуре аймара, Ñande Reko у боливийских гуарани, Sumak Kawsay у эквадорских кичуа, Allin Kawsay у перуанских кечуа. Схожие ценности также представляют Shür Wa-

Ценным в Buen Vivir становится вытеснение индивида из центра конструкта, который якобы наделен политическим представительством и является мерой всех вещей, а эмоциональной и духовной составляющей уделяется повышенное внимание.

и идеологическом инструменте. В Боливии таким стал социолог-аймара Симон Ямпара, а в Эквадоре первопроходцами были Альфредо и Карлос Витери Гуалинга (Santos, 2016). Немаловажными в этом отношении являлись наработки Андского проекта крестьянских технологий (PRATEC, Перу); Андского центра развития сельского хозяйства и животноводства (CADA, Боливия) и другие инициативы

и идеологическом инструменте. В Боливии таким стал социолог-аймара Симон Ямпара, а в Эквадоре первопроходцами были Альфредо и Карлос Витери Гуалинга (Santos, 2016). Немаловажными в этом отношении являлись наработки Андского проекта крестьянских технологий (PRATEC, Перу); Андского центра развития сельского хозяйства и животноводства (CADA, Боливия) и другие инициативы

Следует также подчеркнуть отсутствие единого понимания того, что же есть Buen Vivir (Sumak Kawsay, принятый в Эквадоре, не тождественен боливийской Suma Qamaña). Многочисленные попытки перевести это понятие в привычные западные категории сводятся к понятиям всеобщего благоденствия,

тем самым упрощая данный феномен. Однако было бы ошибочным утверждать, что Buen Vivir является исключительно индейской трактовкой парадигмы развития. Действительно, некоторые его сегменты предполагают обращение к доколониальным традициям, что необходимо для его практической реализации, но особенностью данного дискурса стало заимствование западных теоретических моделей. К ним, в частности, можно отнести радикальную критику текущей модели (включая пост-развитие), признание за властью и знанием колониальных традиций, феминизм, альтернативную этику, а также понимание окружающей среды через призму «глубокой» экологии⁶.

Согласно трактовке уругвайского социолога Э. Гудинаса, общие компоненты, которые сосуществуют в этой палитре категорий, ставят под сомнение концепцию прогресса и понятие единой всемирной истории (Gudynas 2011). Для них характерно традиционное для индейской космогонии множество нелинейных, круговых исторических процессов, развитие которых может идти параллельно. Здесь одержимость экономическим ростом (характерная для западной традиции линейного

развития), потребление, «подгон» природы под себя выглядят резко отрицательными явлениями.

Ценным в Buen Vivir становится вытеснение индивида из центра конструкта, который якобы наделен политическим представительством и является мерой всех вещей. Кроме того, современному делению на мир человека и окружающую среду Buen Vivir противопоставляет смешанные социально-экологические формы организации на отдельно взятых территориях. В частности, это концептуально подтверждают традиции айлью (общин), распространенные в условиях Андского альтиплано, включающие мир людей, животных, растений, духов гор, рек и т. д. (Chuji et al., 2019).

Любопытно, что, отвергая любые формы колониализма, Buen Vivir вместе с тем дистанцируется от категорий мультикультурности. Как альтернатива предлагается принцип межкультурного диалога, где ценны каждая традиция и знание. При этом повышенное внимание уделяется эмоциональной и духовной составляющей, так как в синкретических обществах отношения не ограничиваются рыночными или чисто утилитарными интеракциями. Вместо этого на передний план

⁶ Термин «глубокая экология» (в литературе также встречается вариант - «глубинная экология») был предложен норвежским эко-философом Арне Нессом (1912-2009) в 1973 году. Согласно его трактовке, идея о том, что каждый живой вид имеет неотъемлемую ценность, неизмеримую его пользой для человечества, является центральной. Право всех форм жить, по мнению Несса, являясь универсальным, уравнивает все живые существа в развитии.

выходят принципы взаимодополняемости, общности, перераспределения.

Отметим, что, несмотря на благие намерения, заложенные в Buen Vivir, существует волна критики как среди сторонников, так и среди противников концепции. В частности, отмечается, что коренные этносы стремятся излишне упростить картину современного мира. Традиционные левые критикуют этот подход за то, что он, будучи альтернативным капитализму, не является, по их мнению, таковым для модели развития. При этом подвергается сомнению ценность каких-либо иных акторов, кроме человека (что присуще антропоцентрическому взгляду). Однако, несмотря на подобные аргументы, Buen Vivir получил значительную поддержку не только среди населения Андских стран, быстро вышел за национальные границы, распространившись по всей Латинской Америке. Он стал основой для дискуссии вокруг конкретных альтернативных проектов развития (признание прав Матери Природы (Пача Мамы); мораторий на бурение в Амазонии и варианты перехода к постэкстрактивистской реальности) (Santos, 2016). Любопытно и то, что в новой конституции Эквадора эта парадигма представлена широким спектром

«прав Buen Vivir», таких, как питание, здоровая окружающая среда, доступ к воде, образование и др.⁷

Во многом инновационный Buen Vivir, со всеми его плюсами и минусами, критикой и апологетикой, поддерживается различными движениями и активистами. В своей текущей фазе концепт находится в процессе становления и ему только предстоит порвать с зависимостью, доставшейся от модернизационной парадигмы. В лучших традициях постструктурализма, для него характерна полифония идей, основанных на исторических, территориальных, культурных, экологических и прочих дискурсах. Однако в этом многообразии есть несомненное единство, основанное на тезисе о том, что ценность представляют не только люди, но и нематериальные объекты природы.

2. Коренные народы как главные акторы новой социально-экологической политики

Процесс модернизации, по-разному проявившийся в Латинской Америке, вызвал много критики со стороны экспертного

⁷ Индейское мировоззрение, принявшее форму Sumak Kawsay (Эквадор) или Suma Qamaña (Боливия), где люди находятся в гармоничных отношениях с окружающей средой, стало юридической новеллой для названных стран. Подобный подход должен был способствовать укреплению не только прав Пача Мама, но и коренного населения в частности.

сообщества⁸, чьи представители полагали, что такой подход неспособен вывести государства «третьего мира» из отсталости. На примере стран региона ученые доказывали, что уничтожение традиционных институтов и жизненного уклада привнесло социальную дезорганизацию и рост протестной активно-

она была усилена возникшей в рамках «теории Четвертого мира» *теории природных сред*, предложенной американским антропологом Б. Нитшманом и тесно связанной с проблемой сохранения и приумножения культурного и биоразнообразия. Как отмечал Нитштман, в процессе истории, связанной с

географической экспансией государств, появились два типа природной среды (абсолютно различных по своей сути). Первый тип включает в себя среду государства, с характерной для нее большой плотностью населения, разрушительной экономикой, приводящей к биологическому истощению ландшафта. Ко второму типу относится среда коренных

Уничтожение традиционных институтов и жизненного уклада привнесло социальную дезорганизацию и рост протестной активности в жизнь коренных народов. Это способствовало смене подхода к вопросам интеграции индейских этносов в латиноамериканское общество.

сти, в частности, в жизнь коренных народов. Подобные процессы способствовали смене подхода (1970-е годы) к вопросам интеграции индейских этносов в латиноамериканское общество, позднее получившего название «концепции этноразвития». Суть последней заключалась в том, что автохтонное население региона располагает всеми необходимыми ресурсами для собственного развития. Позднее

народов с адаптированными к экологическим условиям проживания культурой и экономикой. Это обстоятельство позволяет сохранить биоразнообразие и здоровый ландшафт. В частности, как справедливо подчеркивает Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития, а также их адаптации к современным реалиям.

8 В числе критиков этой концепции можно назвать Р. Пребиша, А. Гундер Франка, Ф. Кардозу, Т. душ Сантуша, Р. Ставенхагена и др.

Однако стоит отметить, что сами дискуссии о сущности Sumak Kawsay способствовали тому, что в Эквадоре в 2009 году на уровне государства стартовала реализация первого плана национального развития. Он должен был аннулировать доминантную парадигму, признавая «разрушительный характер экстрактивистского пути развития» для стран «Глобального Юга». Тем не менее отмечался

продолжают функционировать, несмотря на то что добыча происходит в высокосензитивных точках, где проживает коренное население, а также в местах с повышенным биологическим разнообразием и водными запасами» (Захер, Баэс, 2016).

Как пишет аргентинский социолог М. Свампа, этот фактор вместе с криминализацией протестов против ресурсных раз-

работок свидетельствует об откате демократии, когда власть переходит «к более традиционным режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития» (Svampa, 2011). Все вышеуказанное способствовало формированию так называемого «эко-территориального сдвига» (термин, введенный в работах уже

Стремление государств к добыче и коммерциализации природных ресурсов и права природы и коренного населения оказались в эпицентре социальных конфликтов между правительственными администрациями и индейскими, и экологическими движениями региона.

определенный скептицизм по отношению к этому концепту у ряда исследователей, которые в своих публикациях подчеркивали, что Sumak Kawsay — четко выверенная стратегия, легитимизирующая политический проект экс-лидера страны Р. Корреа, и она мало что общего имеет с древней индейской традицией (Ortiz Lemos). По свидетельству экспертов FLACSO, на сегодняшний день «множество проектов по добыче меди и золота

упомянутой М. Свампы для объяснения особенностей экологического дискурса в странах Латинской Америки). Эта категория трактуется как новый цикл протестной активности, сфокусированной на категориях территорий традиционного проживания, окружающей среды, модели развития и др.

Стремление государств к добыче и коммерциализации природных ресурсов и права природы и коренного населения оказались

в эпицентре социальных конфликтов между правительственными администрациями и индейскими, и экологическими движениями региона. Если обратиться к данным неправительственного Центра исследования конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОКМАЛ), в 2010 году в Латинской Америке произошло 120 конфликтов, затронувших 150 сообществ. Их динамика к 2014 году заметно увеличилась до 198 случаев, а количество участников составило 296. При этом самые высокие показатели (по статистике 2019 года) конфликтных ситуаций отмечались в Чили, Мексике и Перу, на долю которых пришлось 49, 48 и 42 столкновения соответственно. В Аргентине этот показатель составил 28 случаев, в Бразилии — 26, Колумбии — 18, Боливии — 10, а также 7 в Эквадоре (*Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina*). Как, в свою очередь, отмечает Харви, на примере Латинской Америки мы можем наблюдать примеры горизонтальной самоорганизации общин, готовых взять ситуацию под контроль там, где государство ею не управляет (Хестанов, 2008). Здесь показательным может стать опыт коренных этносов региона, которые в силу определенных обстоятельств конвертируются в основного актора социально-экологической

повестки. В частности, подчеркнем, что для индейских этносов «территория традиционного проживания» имеет более широкую трактовку нежели просто «источник средств к существованию». Поэтому ряд исследователей отмечает, что неизбежное при неоэкстрактивизме сокращение этих территорий означает расчленение общности, которая питает эту культуру. Приведем примеры, которые могут трактоваться как претворение в жизнь концепции *Buen Vivir* с активным участием индейских жителей как в Эквадоре, так и в Боливии.

Эквадорская природоохранная инициатива «Ясуни-ИТТ»⁹, по сути, являлась отказом от активной нефтедобычи (нефтяного капитализма) в районах с высокой степенью биоразнообразия, а также защитой прав Пача Мамы и проживающих в них коренных этносов. Решения по реализации этого проекта были разработаны группой ученых и экоактивистов в лице Oilwatch и Acción Ecológica. Данная инициатива настолько приглянулась мировому сообществу, что в академических кругах стали поговаривать о возможной «ясунизации» (применения опыта Ясуни) в других частях света. Формально Yasuní-ITT стал символом мира, в котором возможен отказ от перегибов экстрактивизма, став для эквадорцев

⁹ Названа в честь национального парка Ясуни, а также района Испинго-Типутини-Тамбокоча.

популярным лозунгом вроде: «Я — Ясуни» или «Мы все Ясуни»¹⁰. Однако, как справедливо подчеркивает Лаландер, для правительственной администрации Р. Корреа мораторий на нефтедобычу в национальном парке был лишь вопросом времени (Lalander, 2015). Ведь в период своего последнего мандата (2013—2017) эквадорский лидер одобрительно относился к проектам по расширению добычи полезных ископаемых. Так, в нефтяном секторе для новых концессий в амазонской части Эквадора были расконсервированы свыше 3 млн га (Захер, Баэс, 2016), предназначенные в основном для иностранных партнеров нефтяного сектора. Таким образом, политика официальной администрации вступила в противоречие с ее же риторикой.

Боливийский case study демонстрирует другой пример экологического активизма среди коренного населения. Здесь массовые акции (октябрь 2011 года) по поводу строительства автомагистрали через территорию национального парка Исиборо Секуре (полное название — Национальный парк Исиборо Секуре и индейской территории, Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro Sécure, TIPNIS) обнажили, по мнению отечественной исследовательницы Т. А. Воротниковой, нарастающие социально-политические

противоречия в стране (Воротникова, 2016). Согласно позиции защитников Национального парка Исиборо Секуре, транспортная артерия могла изменить не в лучшую сторону то экологическое и социальное равновесие, которое сложилось на территориях их компактного проживания. Еще одним триггером в данной ситуации стало отсутствие предварительных консультаций с местными общинами, что противоречит Конституции 2009 года (Belinda Fontana, 2013). Как подчеркивает Воротникова, «массовые протесты поставили правительство перед выбором между общенациональными интересами и недавно провозглашенными идеологическими принципами сохранения культурного разнообразия, автономного развития и уважения к Матери-природе» (Воротникова, 2016). Хотя конфликт и закончился так же внезапно, как и начался, по словам представителя Координационного комитета индейских организаций андских государств (Coordinadora Andina de Organizaciones Indígenas, CAOI) Р. Киспе, «TIPNIS является лишь верхушкой айсберга» (Belinda Fontana, 2013). Этот тезис подтверждает и боливийский социолог Р. Орельяна, заявивший, что пример TIPNIS «это нечто большее, чем споры о строительстве магистрали» (Lalander, 2015).

¹⁰ В Боливии примерно в это же время шел подобный процесс консолидации вокруг лозунгов в защиту TIPNIS: «Я — TIPNIS» и «Мы все — TIPNIS».

3. Экономика vs этика: нелегкий выбор *buen vivir*

«Товарный консенсус» (категория, введенная М. Свампой для объяснения текущей фазы неоэкстрактивизма в регионе) привнес новый «экономический и политико-идеологический» порядок, где в основе лежит высокий спрос на товары первичной добычи (Svampa, 2013). Этот процесс стимулировал

расширенной добыче полезных ископаемых. Философия Sumak Kawsay в конечном счете привела к юридическому парадоксу, где на фоне прав Пача Мамы государства заполучили широкие полномочия для коммерциализации природных ресурсов, резко увеличив их добычу.

Защита окружающей среды на конституционном уровне является важным шагом на пути к более экологичному обществу. Дис-

Дискуссии вокруг отличной от рентной модели развития являются вызовом для устоявшейся парадигмы бинарных отношений «человек — окружающая среда», так как в их основе лежат ценности и космогония коренных народов.

куссии вокруг отличной от рентной модели развития, вне всяких сомнений, являются вызовом для устоявшейся парадигмы бинарных отношений «человек — окружающая среда», так как в их основе лежат ценности и космогония коренных народов. Вместе с тем опыт государств Андского субрегиона демонстрирует новые

расширение добывающей промышленности, а также той скорости, с которой наполнялись национальные резервы, параллельно обнажив новые формы неравенства и потенциальные конфликты в современном латиноамериканском обществе. Это демонстрирует существующий разрыв между политикой социального обеспечения, правами окружающей среды и коренных народов и желанием политических и экономических элит к

интерпретации человеческого и экономического развития, где правительственные администрации стремятся использовать прагматический подход к правам Пача Мамы. Это обстоятельство противоречит официальному экологическому дискурсу, закреплённому в конституциях. Иллюстрациями подобного тренда стали ранее упомянутые конфликты вокруг TIPNIS и Yasuní. Однако стоит отметить, что это не единственные примеры, так

как схожие процессы наблюдаются и в других странах региона с менее прогрессивными конституциями.

Экосоциализм, как справедливо подчеркивает Лаландер, стал визитной карточкой внутри «левого поворота», так как забота об окружающей среде была включена в политический дискурс социально-ориентированных правительств. Политические лидеры, такие, как Корреа и Моралес, первоначально вос-

мировом рынке. Это приводит к существенным разногласиям между «пачамамистами» и сторонниками концепции экономического развития, выступающими за эксплуатацию природной ренты. Подобные процессы мы видим во многих странах Латинской Америки. В этих условиях резонным становится вопрос, удастся ли практически реализовать модель Sumak Kawsay без категории развития (часто трактуемого как «экономический рост»).

Идея отхода от антропоцентричной модели развития к сбалансированным отношениям общества и природы стимулировала дискуссии о возможном будущем без «хищнической» ренты, как о неотъемлемом условии концепции Buen Vivir.

Неоднозначна и трактовка Buen Vivir среди населения стран региона. Так как некоторые респонденты считают, что этот концепт предназначен лишь для жителей Амазонии или Андского высокогорья (что подходит коренным жителям, не подходит для горожан). Вместе с тем среди части населения влажнотропической сельвы

принимались на международных саммитах как герои климатической повестки. Однако их позиции заметно просели среди групп защитников окружающей среды и движений, которые предлагают альтернативы «ресурсному проклятию» (Santos, 2016).

В текущем историческом моменте зависимость от экстрактивистской модели экономики не только сохранилась, но и еще больше усилилась с падением цен на углеводороды на

актуальны общие требования, связанные с базовыми потребностями, а не с этническим культурным признанием или защитой окружающей среды.

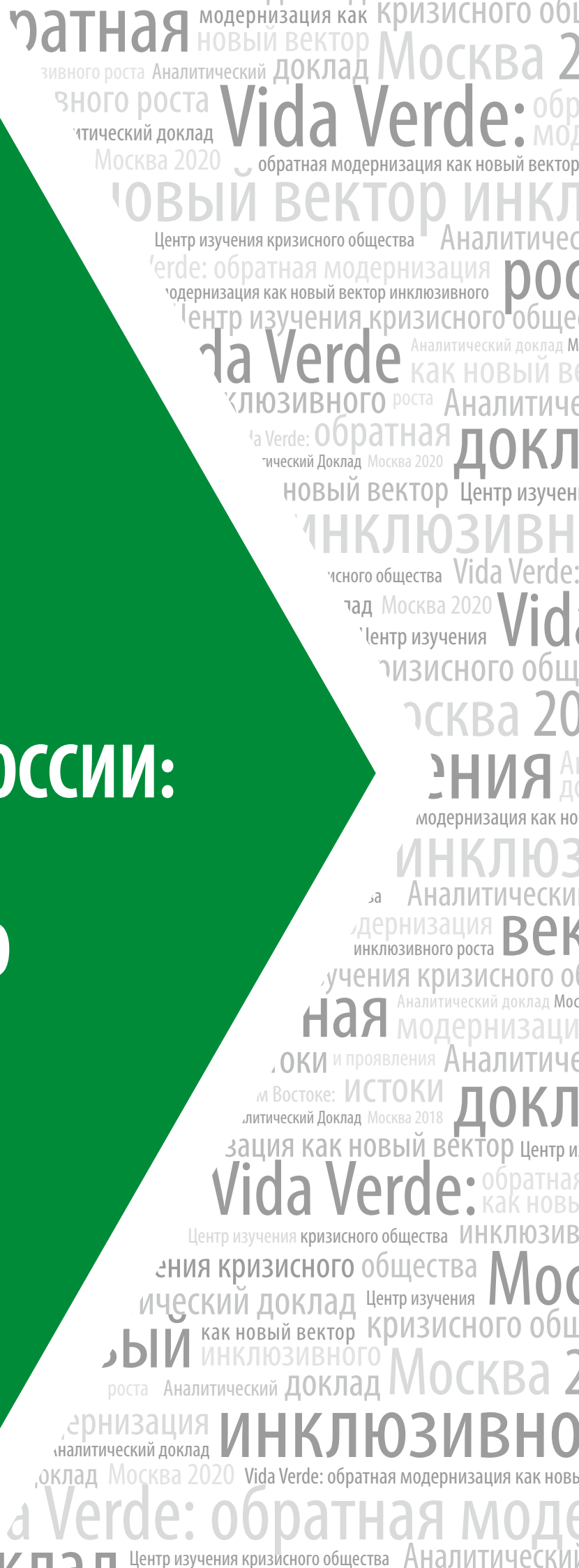
Конфликт между экономикой и окружающей средой не может быть решен с помощью призывов к «устойчивому развитию», «эко-эффективности», «экологической модернизации» или «зеленой экономике». Одной из самых сложных задач, стоящих перед странами

«Глобального Юга» в целом и Латинской Америкой в частности, является создание и реализация стратегии, которая в итоге приведет к постэкстрактивистской экономике. Речь не идет о внезапном отказе от добычи полезных ископаемых. Однако такой переход, как справедливо отмечает А. Акоста, никогда не станет реальностью, если экстрактивистские инициативы продолжат увеличиваться, а какие-либо альтернативы для их сокращения будут отсутствовать. Успех такой стратегии полностью зависит от степени социальной поддержки. Появление концепта *Buen Vivir*, перешагнувшего за национальные границы Эквадора, стало реакцией именно на латиноамериканские реалии неоэкстрактивизма. Идея отхода от устоявшейся антропоцентричной модели развития к сбалансированным отношениям общества и природы стимулировала дискуссии

о возможном будущем без «хищнической» ренты, что является неотъемлемым условием вышеназванного подхода. Деконструкция концепта развития способствует возникновению множества новых и обновлению старых трактовок и мировоззрений. (Они принимают различные вариации, будь то латиноамериканский *Buen Vivir*, индийский *сварадж* или концепция *де-роста*). Подобные идеи не являются новшеством XXI века, однако они могут стать частью поисков альтернативных моделей развития. У всех них имеется общая черта — они, как правило, возникают в среде традиционно маргинализированных групп. Именно поэтому подобные мировоззренческие конструкты отличаются от доминирующих западных трендов, а следовательно, нарушают антропоцентрическую логику рентной парадигмы развития. ■

Е.И. БУРКОВА

ГЛАВА IV. VIDA VERDE В РОССИИ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

1. Российская экологическая повестка дня и особенности экополитики России

Перед разговором об отношении к экологическому кризису и экологическим моделям развития в России — пару слов о философии природы в нашей стране. Отдельные идеи русских мыслителей вроде бы идут в русле традиционных Западу подходов. Но в целом русские космисты, и теоретики ноосферы в частности, предвидели экологический кризис, опередив свое время. Ими же была поставлена цель бесконечного выживания человечества во времени. Человек и природа едины. Не так, как в рутинном подходе, у техноцентристов: заменим природу искусственной средой! И не как у эко- и биоцентристов: спаси планету — соверши самоубийство! Убить себя — значит убить и природу, и наоборот. Н. Ф. Федоров сравнивал Землю с кораблем, где всем присуще единство общечеловеческой судьбы. В. И. Вернадский описывал ноосферу как объективный процесс, итог развития человечества XX века, предсказал, что, в связи с растущим единством человеческой судьбы, войны исчезнут. Последователь Вернадского в современной России академик Н. Н. Моисеев мыслил так: в мире происходит самоорганизация, «разум» не может «сделать мировой процесс управляемым». (Моисеев, 1999)

Признавая устойчивое развитие и принцип предосторожности, он призывал людей к активному невмешательству в «дела среды», благодаря чему будет достигнута ко-эволюция, со-развитие, модель квазиравновесия природы и общества.

Моисеев был автором эколого-политической теории русской цивилизации. Он определял цивилизацию как осуществляемую посредством техносферы модель адаптации данного общества к окружающей природной среде. Разнообразие адаптаций в разных условиях рождает разнообразие цивилизационных типов. Цивилизационные типы бывают экологически враждебные и дружественные. В планетарном масштабе преобладает модель адаптации, которая характерна для политически доминирующей цивилизации, а цивилизация сегодня преобладает западная. Цивилизация адаптации через уничтожение окружающей ее среды. Ее взяли на вооружение миллиарды людей, а она несовместима с нуждами выживания. Русская цивилизация имеет экологически дружественную неэкспансионистскую модель самоадаптации, приспособления к среде.

Мы будем говорить о взаимодействии общественной системы с окружающей ее природной средой, как ставится и решается в России задача экологически устойчивого развития, возвращения планеты в границы воспроизводственного потенциала ее биосферы,

отказа от принятия решений, когда очевидна *необратимая* деградация окружающей среды.

У России имеются несомненные отличительные особенности, если рассмотреть ее экополитику в контексте мирового опыта: политическая окружающая среда, экологическое законодательство и право, их роль в процессе политики, степень развитости политических инструментов как организационных средств

В природоохранной, экологической политике России присутствует тип политики, который в целом характерен для нее в принятии решений: этатистский, государствоцентричный тип, определяющий конфликтно-эгалитарный характер экологической политики.

осуществления политики, степень интеграции экологической политики в другие виды политики, статус экологической политики в стране, месте экологической проблематики в политической повестке дня.

Российское государство призвано контролировать огромные пространства, обеспечивая бессрочное выживание народностей, населяющих нашу страну, в том числе малых народов, создающих наше культурное разнообразие.

Углубление неравенства, пропасти между богатыми и бедными противоречат ценностям экологической безопасности и несовместимы с принципами устойчивого развития.

В природоохране, экологической политике России присутствует тип политики, который в целом характерен ей в принятии решений: этатистский, государствоцентричный тип, определяющий конфликтно-эгалитарный характер

экологической политики. Государство всецело доминирует в процессе принятия решения. В ходе процесса никогда нет консенсуса, согласия между сторонами: бизнес, власть, общественность и неправительственные организации (НПО) находятся в конфронтации, если только между ними есть взаимодействие. Экологические НПО неоднородны, отличаются

отсутствием единой идейной платформы. Российский стиль политики: закрытость, непрозрачность, недоступность информации о процессе, реактивность, безынициативность и государства, и НПО. Эти черты, как и фрагментарность, разрозненность, мозаичность, она унаследовала от политики Советского Союза. Участники процесса политики в России четко делятся на «инсайдеров» и «аутсайдеров». «Инсайдеры» — чиновники органов охраны

окружающей среды, экономические субъекты, некогда партийный аппарат. Экологические НПО — «аутсайдеры» экологической политики, случайные, участвующие незапланированно, от случая к случаю. К неправительственным участникам примыкают пресса, а также

1977 года гарантировала право гражданина на благоприятную среду, отдавая это в исключительную компетенцию государства. Государственный тип, закрытость, реактивность, оборонительный характер (не предупредить угрозу, а ликвидировать последствия), консер-

Государственный тип, закрытость, реактивность, оборонительный характер (не предупредить угрозу, а ликвидировать последствия), консервационизм — это черты экологической политики России. Солидарная ответственность государства и корпораций отсутствует.

вационизм — черты экологической политики России. Неподконтрольное государство берет на себя ответственность, нет солидарной ответственности государства и корпораций, бизнеса за экологические правонарушения, и нет рычага, чтобы заставить его отвечать. Это — government failure, «провал», дефект в работе государства.

природоохранные органы государственного управления России в самом начале их существования (до 1991 года).

В России времен СССР наблюдалось отсутствие экологической политики, было понятие «охрана природы». Конституция СССР

Система природоохраны в России много раз перестраивалась. С 2000 года, после ликвидации Госкомэкологии и экологического фонда, ФЭФ, Россия ушла назад даже по сравнению с СССР: в Советском Союзе был прообраз экополитики, и он был основан на принципе «загрязнитель платит».¹¹

¹¹ Единый орган осуществления экологической политики возник в России в 1988 году. Это был Государственный комитет по охране природы (Госкомприроды), он заменил массу «экологических» госкомитетов и министерств, каждое из которых не несло ответственности за осуществление экологической политики в целом. В 1991 году на базе Госкомприроды РСФСР, на тот момент уже министерства, и нескольких реорганизованных министерств и ведомств организовали Министерство экологии и природных ресурсов, с 1996 года — Госкомэкологии РФ, ликвидированный 17 мая 2000 года Президентом России В. В. Путиным. В результате ликвидации ведомства создалась юридическая коллизия, касающаяся ключевой для нашей политики практики: некому стало осуществлять экологическую экспертизу и оценку воздействия на окружающую среду. После ликвидации ФЭФ такая же участь ждала и принцип «загрязнитель платит».

Сегодня в России нет никакой принятой стратегии развития — ни экологической, ни иной аналогичной ей. В рейтинге экологической эффективности Россия долго находилась на 105-м месте из 132 стран, по объему ущерба от загрязнения окружающей среды — на 56-м месте, по объемам истощения ресурсов — на 127-м месте¹². Естественно, это тревожит окружающий мир — в России находится 25% всех особо охраняемых природных территорий земного шара, объектов мирового наследия.

Кстати, в индексах человеческого развития (ИЧР) Россия колеблется между 57 и 70-м местами среди более 150 стран (лидером ИЧР традиционно является Норвегия) (Бобылев 2015, 26–27). Не в этом ли кроется причина роста глухого протеста россиян в последние годы?

2. Низовое участие в экополитике России: состояние повестки дня

Итак, экологические НПО должны защищать не зайца, не барсука, а людей своей страны. Но как это сделать, когда россиян мучает «стокгольмский синдром», восприятие эколога как «засланца», орудия в чьих-то руках. Действительно, есть движения-«спойлеры»

(GONGO), экологические НПО — агенты государства, бизнеса, ТНК.

Экологическое движение в России повторяет эволюцию экодвижения на Западе. Но есть и фундаментальные отличия. Во-первых, размеры. В экологических НПО США в разные годы состояло до 12% населения; в России — максимум 3%. Во-вторых, охват населения. На Западе они основывались чаще на местных инициативах, в маленьких городках, поселках, там, где развито местное сообщество. В РФ большинство НПО — в столицах, больших городах, существуют внелокально (то есть любым местным жителям они и вправду чужие). В-третьих, состав участников. В России в движении изначально преобладали студенты, выходцы из академической среды, с упадком студенчества и биологических дисциплин к 1995 году экологизм упал. В-четвертых, специализация. В мире НПО действуют в конкретной сфере политики. В России все заняты всем. В-пятых, финансирование. У российских НПО финансирование до последнего времени осуществлялось за счет грантов из-за рубежа, и известные ограничения властей больно по ним ударили. В мире денежная основа работы — частные пожертвования рядовых граждан. Наконец, характер работы. На Западе преобладают так называемые

12 Рейтинг стран мира по уровню экологической эффективности в 2016 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий — 29.01.2016. URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/29/7292> Так же: http://ecostandardgroup.ru/about/korporativnaya-otvetstvennost/rating/Место_России_в_глобальных.Н.Н_Алексеева.pdf.

про-активные НПО, чья деятельность не сводится к реакции на ситуацию. В России такого нет. Характерной чертой этого процесса стала зависимость экологических НПО от поддержки из-за рубежа¹³. С ликвидацией органов природоохраны в начале нулевых НПО из большой политики окончательно ушли.

Характерной чертой российского процесса охраны природы стала зависимость экологических НПО от поддержки из-за рубежа. С ликвидацией органов природоохраны в начале нулевых НПО из большой политики окончательно ушли.

Подъем экодвижения произошел в середине 1980-х годов, после аварии на Чернобыльской АЭС, а спад — с 1991 года. После было много разных аварий, хотя не с такими резонансными последствиями, но подъема не

случилось. Наоборот. Население вдруг стало совершенно нечувствительно к ситуации с окружающей средой, пассивно и самоустранилось, не берет ответственность на себя. Опросы показали: людям неочевидно, какие в принципе есть формы участия, а 53% заявили, что таковых в России не существует.

В основном они не столько отказались от идеи, сколько посчитали нелепой постановку вопроса: 70,3% отметили, что на данный момент от простых людей в стране ничего не зависит¹⁴. И действительно: инициативы снизу в России не было ни тогда, ни сейчас. Но эти рамки не создаются по указке «сверху», а завоевываются

в политических боях (Young 1998). В стране, где на один митинг протеста против антиэкологических действий властей в 1987–1988 годах в день выходили по 1 млн человек, сегодня люди заняты другим.

¹³ Примерно с 1995 года государственное финансирование природоохраны, и без того очень-очень низкое по сравнению с развитыми странами (значительно менее 1% ВВП), продолжало падать с каждым годом. Итогом стало растущее иностранное финансирование экологической отрасли. В 1992–2000 годах зарубежные партнеры выделили России на природоохранные цели более \$600 млн, по другим данным — более \$1 млрд. По самым приблизительным подсчетам, с начала нулевых международное финансирование превышало государственное более чем в 3 раза, и львиная доля средств шла через каналы российских и международных эконоНПО. Это были средства на охрану диких видов растений и животных, водных бассейнов, лесов, на поддержку отдельных направлений природоохранной отрасли страны, оказавшихся в бедственном положении (Ларин и др. 2003).

¹⁴ Данные опроса см. в статье: Вы нас не трогайте, и мы вас трогать не будем // Русская мысль. № 4212. 5 марта 1998.

Для России характерна высочайшая централизация принятия решений, делающая активность «снизу» невозможной. Был краткий период, когда эта тенденция, казалось, прервалась. ФЭФ с отделениями «на местах» — основа местного экологического регулирования в России, после ликвидации Госкомэкологии с филиалами они могли стать основой децентрализованного принятия решений. Но децентрализация не есть панацея, она должна осуществляться с передачей власти локальным общественным организациям. У нас она значила передачу всей полноты экополитики в руки местной администрации (мэра, губернатора).

3. Перспективы новой экологической парадигмы в России

Эффективная природоохрана порождается не экологическим кризисом как таковым, а политической реакцией на этот кризис на самом высоком уровне. Политик мыслит краткосрочно, ему помогают понять все, что нужно для движения к экологически безопасной модели представители экологической общественности. И эту деятельность нужно все время возобновлять. Но чтобы к экологам прислушались, нужно, чтобы за экологами стояли миллионы людей, которых они выведут на площади, если будет необходимо доходчиво объяснить властям реалии сегодняшнего дня. В России есть

экологи и экологическая общественность. В ней нет миллионов людей, которые выйдут на площадь именно за экологами.

Один из аспектов проблемы — в вопросе экологов-активистов из Санкт-Петербурга. 56% из них постоянно недостает экологически значимой информации. А вот согласие, готовность к участию в решении экологических проблем вместе с гражданами и властями выразили только 60% опрошенных. 40% в своем активизме и не думают обращаться за общественной поддержкой. Тот же коллектив социологов в то же время опросил чиновников российских госорганов природоохраны и задал им те же вопросы. Из чиновников более 30% заявили, что у граждан РФ достаточно экологической информации. А ее не хватает даже общественным экспертам в экополитике (Сосунова 2004).

В России дефицит «движений снизу». Среди экологов преобладают две группы. Коллаборационисты из профессиональных экологов, для которых это «подработка». Скептики, экологические радикалы и внесистемщики — непрофессионалы, имеющие приблизительное представление о предмете, верят в постулаты альтернативных наук, для которых протест — образ жизни. К продуктивной политической работе ни те, ни другие не пригодны. А вот тех, о ком был некогда снят культовый советский фильм «У озера», в российском экодизмизме до обидного мало.

Обе группы имеют поверхностный характер, цепочки от местной инициативы через влияние региональное к общенациональному движению у нас не прослеживаются.

Под действие нового закона об иностранных агентах попали «низовые» организации, которые живут на помощь западных экологических НПО, так как в России их никто не хочет содержать, и которые могли организовать работу с населением.

За последние годы XX века и нулевые круг лиц, допущенных к принятию решений в этой сфере, еще более сузился¹⁵. Активность «зеленых», лидерство экологических НПО в России ведь не зависит от состояния

окружающей среды, а зависит от того, какие возможности для политического участия предоставляет им власть¹⁶. Но основной проблемой, стоящей на пути широкого вовле-

чения людей в экополитику, является политическая среда России в последние 15–20 лет. В стране в 2005 году вышел закон о финансировании некоммерческих организаций, где возникло понятие организации — иностранного агента как нежелательной организации. Под его действие попали «низовые» инициативы, ко-

торые живут на помощь западных экологических НПО, так как в России их никто не хочет содержать. Те самые искомые низовые оппонентные НПО и могли бы организовать массовую работу с населением регионов¹⁷. А как

15 Последнее решение, которое могло бы привлечь широкие круги экологических активистов, а за ними, быть может, и наиболее активных граждан, к описываемому процессу, был приказ № 222 Госкомэкологии РФ аж 1996 года, однако даже тогда он никогда, насколько мы можем судить, не выполнялся.

16 Очень часто экологизм «выстреливает» в политике в довольно благоприятном во всех отношениях регионе, а места экологического бедствия, напротив, не поставляют на политическую арену никаких экологических рекрутируемых. Например, партия «Зеленые» смогла преодолеть семипроцентный барьер на выборах в Самарскую губернскую думу в 2007 году не потому, что экологическая ситуация в Самарской области была хуже, чем в соседних регионах, а благодаря более либеральному в отношении этой части гражданского общества политическому режиму в области.

17 Под закон 2005 года в разное время подпали эконоНПО из Сибири, с Волги, Байкала, Дальнего Востока, а также русско-го Севера, включая известные «Дронты», «Беллона», «Нуори Карьяла», «Муравьевский парк», боровшиеся, между прочим, с экологическими преступлениями, например с вырубкой лесов. В итоге из 30 пострадавших эконоНПО только 4 сумели так или иначе выйти из «черных списков», 13 оставшихся после случившегося сразу же закрылись (Российские НКО, внесенные в реестр как иностранные агенты: история вопроса. Доступно: <http://article20.org>).

же население? Прославленные Р. Инглхарт и его команда, составившие известную карту, проводят исследования нравов, настроений и ценностей людей, начиная с 80-х годов XX века; анкетирование проходило в 89 странах мира и затронуло 90% населения Земли. Ими было установлено, что мы переходим из индустриального мира в новое общество, «общество знания». Оно формирует новые постматериалистические ценности (чувство

ФРГ на первое место по постматериалистичности, но если бы результат суммировали, то ГДР потянул бы всю Германию далеко назад, в середину списка, ближе к японцам и американцам. Что-то похожее имело место и с Россией. Данные по России и Москве разнятся у разных поколений (Москва показала цифры на уровне европейских). Россия — индивидуалистическая, секуляристская, атомизированная. И, к сожалению, консьюмеристская,

поглощенная ценностями выживания.

Р. Инглхарт думал, что если страна индивидуалистична, то будет участие и забота об экологии. Если нет, это будет пассивная страна. Но оказалось, что есть страны, которые выступают за охрану среды и коллективистичны. Например, Велико-

Инглхарт думал, что если страна индивидуалистична, то будет участие и забота об экологии. Если нет, это будет пассивная страна. Но оказалось, что есть страны, которые выступают за охрану среды и коллективистичны.

британия и, особенно, Канада. А где в этом рейтинге находится Россия? Около стран Африки и «четвертого мира». Индивидуализм, консьюмеризм, пассивность, повиновение. Каждый сам за себя.

Но ведь на Западе именно индивидуализм является основой гражданского политического участия. Доказательство тому — феномен NIMBY (not into my backyard, «только не в нашем дворе!»), движущая сила участия, борьбы

личной защищенности, экзистенциальной безопасности, самовыражение и качество, а не уровень, жизни) (Инглхарт 2018). Согласно Инглхарту, Россия полностью прошла индустриальную стадию развития, но не вступила в постмодерн. Опрос продемонстрировал почти полное отсутствие постматериальности не только у России, стран бывшего СССР и стран социализма. Вопрос о жертвах для окружающей среды поставил

против возведения экологически опасных объектов. У нас он отсутствует.

У всех бывших социалистических государств — те же черты. По-видимому, наша страна пережила некий этап развития, который спутал карты самому умудренному аналитику. Организм России в последние десятилетия пережил кризис, результаты чего смазывают, не дают увидеть четкую картину, стирают облик российского человека.

Здесь мы проанализировали выше только официальные политические институты и процессы. Но современная политика к ним далеко не сводима.

Следует помнить, что политика нашего времени, в том числе в России — это политика обществ, переходящих на постиндустриальную стадию. Объективный процесс. Даже если он не рефлексруется, не отражается сознанием людей. То, что государство терпит неудачу — еще не конец политики. Сейчас идет рассредоточение центров власти и новые ее формы.

Сетевая политика — это политика структур, которые являются глобальными, но не только глобальными, центрами власти, хотя никто не наделял их соответствующими полномочиями, они не связаны

формализованными иерархическими отношениями, действуют помимо и вне работы государства и его институтов, включая институты плюралистической демократии. Политические сети вырабатывают более эффективную политику, чем традиционные институты, так как осуществляют координацию, коммуникацию, обмен на всех существующих уровнях, фактически многоуровневое управление. Сети на горизонтальном уровне уравнивают всех и приглашают за стол переговоров стейкхолдеров процесса. Концепция корпоративного гражданства, социальной корпоративной ответственности отображает феномены, возможные именно из-за того, что описываются практики действия сетей, договор между бизнесом, властью и гражданами¹⁸.

Увы, никакого договора между населением и бизнесом здесь просто нет. Настоящий двигатель экологических реформ — бизнес. Но богатые в России неотличимы от власти. Главной предпосылкой реформ в направлении устойчивого развития является разделение мира экономического и мира политического, отделение государства от бизнеса.

Сейчас перед Россией стоит задача создания стратегии национальной безопасности и

¹⁸ К разочарованию конспирологов, официального органа глобального, наднационального, управления нет, фактически, эту роль выполняет система сетевых организаций, ни у кого не находящаяся под контролем, не во власти ни одной национальной организации (Саворская 2018).

национального развития, внятных, концептуально завершенных, тех, которых сейчас нет. Единая концепция безопасности и устойчивого развития, если таковая появится, должна будет дать внятный ответ на животрепещущие вопросы развития России.

Россия — срединная земля, мировая цивилизация в миниатюре, цивилизация, сотканная из разных цивилизаций. Россия в XXI веке все еще представляет собой уникальный заповедник дикой природы, с участками, где не произошел слом природных экосистем; скорее всего они и держат мировую устойчивость развития, не позволяют погибнуть мировой биоте. Российский экологический фактор сам по себе является важным звеном в ожесточенной политической борьбе в мире

XXI века. Россия может предложить миру свою версию преодоления экологического кризиса. Но для властей нашей страны кризис экосреды, «ползучая экологическая катастрофа» еще не наступили.

Россия — кризисная цивилизация, которая вечно находится на переломе. Она не может, заявляют ее интеллектуальные вожди, создать новую стратегию развития, так как занята повседневным выживанием, а ее выживанию мешает то, что она не знает, куда идет. Получается замкнутый круг.

Власти страны не понимают, что сейчас необходима децентрализация, потому что только так можно сегодня обработать всю полноту необходимой для принятия решений информации. ■

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешняя экономика роста не способна сочетать в себе благосостояние и устойчивость, обратная модернизация возможна только на новых социальных и экологических основах, которые будут удовлетворять потребности людей, соблюдая при этом экологические границы планеты и этические принципы.

Однако из «ловушки прогресса» очень сложно выйти, так как проблемы, связанные с уходом от традиционной модели развития, — экономические, политические и геополитические, а также идеолого-эпистемологические.

Отсутствие политической воли и неспособность правительств, будь то консервативных или прогрессивных, порвать с моделью роста, которая основана на широкомасштабной эксплуатации природных ресурсов, серьезно препятствует рождению реальной альтернативы. Кроме того, пока не изменится общественное сознание (особенно на уровне элит), привыкшее к постоянной мысли о возможности развития только лишь в добывающем, производственном и экспортном ключе, оно так и будет «экстракционистским» вне зависимости от идеологий и политических режимов. Практически во всех странах от Азии до России концепция развития до сих пор вращается вокруг идеи экономического роста, основанного на масштабных иностранных инвестициях и эксплуатации природных ресурсов, чтобы вызвать экономический бум,

который в свою очередь оказывает сильное воздействие на окружающую среду и имеет высокую социальную цену, способствуя систематическому нарушению прав человека.

Тем не менее новая справедливая сбалансированная модель развития мира, при выполнении ряда условий в среднесрочной перспективе, видится нам весьма вероятной и продуктивной, и эта работа — попытка осмыслить саму возможность альтернативного развития для дальнейшего формирования инклюзивного роста в постковидную эру и инициировать общественную дискуссию на эту тему.

Основные выводы

1. В настоящее время в общественно-политических дискуссиях, различных исследованиях, изысканиях или в социальном, политическом и экономическом анализе, проводившихся с середины — конца XX века, неизменно присутствует экологический фактор, и его вес с течением времени только растет, что позволяет говорить уже об особой «инвайронменталистской идеологии».

2. Инвайронментализм в ряде случаев открыто выступает против гегемонистских экономических моделей, поддерживая альтернативные и справедливые модели развития. При этом крайне важно разделять более радикальные и менее радикальные,

но сбалансированные альтернативные модели социально-экологического развития, не скатываясь в биоцентризм. Концепция Vida Verde, или концепция обратной модернизации подразумевает поиск нового баланса между экономикой, культурой и политикой для решения масштабных социально-экологических проблем. На ее основе можно разработать адекватную политику и критерии ориентации для нового общества, адаптированного к тому времени, в которое мы живем. В этом случае рост ВВП перестает в этой модели быть ключевым показателем национального успеха, а общество нацелено прежде всего на разумные самоограничения и на сохранение экологического баланса.

3. Однако у предлагаемой нами модели Vida Verde имеются и ограничения: конфликт между экономикой и окружающей средой не может быть решен только лишь при помощи призывов к экоэффективности, экологической модернизации или зеленой экономике. Необходимо создание и реализация такой стратегии, которая в итоге приведет к пост-экстрактивистской экономике, но при этом речь не идет о единовременном и окончательном отказе от добычи полезных ископаемых. Успех такой стратегии полностью зависит от степени социальной поддержки.

4. Важный шаг на пути к более экологичному обществу — защита окружающей среды на конституциональном уровне. Дискуссии

вокруг отличной от рентной модели развития — вызов для устоявшейся парадигмы бинарных отношений «человек — окружающая среда», так как в их основе лежат ценности и космогония коренных народов, которые практически невозможно распространить на большинство населения.

5. Невозможность изменения (в обозримом будущем) существующей экономической системы на глобальном и национальном уровнях не означает, что от этих изменений нужно отказаться. Они могут быть достигнуты путем создания сообществ, которые развивались бы параллельно с глобальной системой экономики, тем самым доказывая, что альтернатива существует и она устойчива.

6. Россия сегодня находится в точке бифуркации в поисках собственной идеологии, и концепция Vida Verde вполне может стать ее составляющей. Однако формирование социально-экологической идеологии требует четкой и согласованной политической программы действий, чтобы уйти за пределы двухмерной схемы, которая сейчас идеологию видит в исключительно редукционистской манере: в дихотомиях «левая — правая» или «демократия — тоталитаризм». Введение на политическое поле понятий «производство — антипроизводство», на наш взгляд, поспособствует более четкому оформлению в социально-политической реальности инвайронменталистской идеологии, которая

сможет позиционироваться как альтернатива привычным капиталистическим категориям.

7. Экологическая повестка в целом (особенно то, что касается климатических изменений) нередко навязывается «сверху», на уровне мирового сообщества. Но при этом не совсем верно думать, что элементы концепции Vida Verde не находят отклика у населения России (часть жителей крупных городов вроде Москвы и Санкт-Петербурга с их концепциями ответственного потребления и минимализма не в счет). В России эта модель сможет обрести реальную поддержку через экологические конфликты, которые сейчас надолго закрепились в российской повестке как отражение недовольства населения политикой действующих властей и требование справедливости.

8. Сейчас Россия все еще далека как от «институциональной» европейской «зеленой»

модели, так и от латиноамериканской низовой автохтонной альтернативы социально-экологического развития. Для нашей страны характерна излишняя централизация, делающая активность «снизу» практически невозможной. Необходима децентрализация с постепенной передачей власти местным сообществам, потому что только так можно обработать всю полноту необходимой для принятия решений информации.

9. Если проявления солидарности, социально-экологической справедливости, равенства и сотрудничества (сейчас спонтанные и точечные), как индивидуальные, так и институциональные, не приведут к созданию новых моделей поведения, то скорее всего социальная инерция вернется к прежней точке отсчета — порочному кругу экстрактивизма, который и будет дальше воспроизводиться, усугубляя экономический, политический и социально-экологический кризис. ■

КАТУРЫ

Вектор
ИСТОКИ
Москва 2018
Москва 2020
документ
доклад
аналитический
центр изучения кризисного общества
как новый вектор
инклюзивного
модернизация
обратная
Москва 2020
Vida Verde: обратная модернизация как новый вектор инклюзивного роста
Аналитический доклад
Москва 2020
Центр изучения кризисного общества

- Abramson P.R., Inglehart R. (1995). Value change in global perspective. University of Michigan Press.
- Anderson W.T. (1987). To govern evolution. Further adventures of the political animal. Boston.
- Baker, Susan (2006). Sustainable Development, London.
- Beck U. (1996). World risk society as cosmopolitan society? // Theory, culture and society. Vol. 13. #4. P. 3.
- Belinda Fontana L. (2013). Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia // Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. Vol. XLIII: 1–2. P. 19–45.
- Bryant R. y S. Bailey (1997) Third World Political Ecology. London / New York, Routledge.
- Carter N. (2007). The Politics of the Environment. Ideas. Activism. Policy, London.
- Center for Climate and Energy Solutions, Renewable Energy, <https://www.c2es.org/content/renewable-energy/#:~:text=Nearly%2060%20percent%20came%20from,global%20electricity%20generation%20in%202018>. (дата обращения 07.06.2020)
- Chuji M. (2007). La propuesta política de Mónica Chuji <https://monicachuji.wordpress.com/la-propuesta-politica-de-monica-chuji/> (дата обращения 24.07.2020).
- Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. (2019). Buen Vivir. Pluriverse. A Post-Development Dictionary. New Delhi. Pp. 111–114.
- Costanza R. (1993). Ecological economics: the science and management of sustainability. New York: Columbia University Press.
- Daly H. (1996). Beyond Growth. Boston: Beacon Press.
- Dearden N. (2014). Is Development Becoming a Toxic Term? // The Guardian. 22 January. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2015/jan/22/development-toxic-term> (accessed 15.05.2020).
- Demaria F., Schneider F., Sekulova Filka and Martinez-Alier J. (2013). What is Degrowth? From an Activist Slogan to a Social Movement // Environmental Values. 22, Pp. 191–215.
- Dobson A. (2007). Green Political Thought. London.
- Dobson A. (2014). The Politics of Post-Growth. Dorset.
- Drucker P. (1980). Managing in Turbulent Times. New York.
- Đukić P. (2011). Održivi razvoj utopija ili šansa za Srbiju. Beograd.
- Environmental administrative change in Russia in the 1990s. (1999) // Environmental politics. Vol. 8. #2. Summer 1999.
- Escobar A. (1995). Encountering Development. Princeton: Princeton University Press.
- Escobar A. (1996). Construction Nature: Elements for a Post Structuralist Political Ecology // Futures. Vol. 28. # 4. Pp. 325–343.

- Faber D. J. (1996). *Environment under Fire: Imperialism and the Ecological Crisis in Central America*. New York: Monthly Review Press.
- Faber D. J. (1993). *Environment under Fire: Imperialism and the ecological crisis in Central America*. New York: Monthly Review Press.
- FAO (2019). *The State of Food and Agriculture 2019. Moving forward on food loss and waste reduction*. Rome.
- Felber Ch., Maskin E., Nurmi S. (2015). *Change Everything: Creating an Economy for the Common Good*. London,
- Foladori G. (2001). *Controversias sobre sustentabilidad: la coevolución Sociedad-Naturaleza*. México: Universidad Autónoma de Zacatecas.
- Foster J. B. (1994). *The Vulnerable Planet: A Short Economic History of the Environment*. New York: Monthly Review.
- Fraser N. (2008). *Escalas de justicia*. Herder, Barcelona.
- Georgescu N. (1971). *The Entropy Law and the Economic Process*. Cambridge: Harvard University Press.
- Greenberg, J. y T. Park (1994). *Political Ecology* // *Journal of Political Ecology*. Vol. 1. Pp. 1–12.
- Gudynas E. Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia. Available at: <http://extractivismo.com/2013/08/los-derechos-de-la-naturaleza-despues-de-la-caida-de-la-moratoria-petrolera-en-la-amazonia/> (дата обращения: 15.05.2020).
- Gudynas E. (2011). *Buen Vivir: Today's tomorrow Development*. # 54(4). Pp. 441—447.
- Gudynas E. (2009). *El mandato ecológico. Derechos de la Naturaleza y políticas ambientales en la nueva Constitución*. Editorial AbyaYala, Quito.
- Harvey D. (2014). *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hernández C. (2015). *Moda rápida: la industria que desviste al planeta* <http://www.comoves.unam.mx/numeros/articulo/257/moda-rapida-la-industria-que-desviste-al-planeta> (дата обращения 06.07.2020).
- Hildyard N. (1993). *Foxes in Charge of the Chickens* // W. Sachs (coord.) *Global Ecology*. London: Zed Books.
- <https://www.veganfoodandliving.com/news/nestle-is-launching-a-vegan-version-of-carnation-condensed-milk/> (дата обращения 24.07.2020)
- Kothari A., Demaria F., Acosta A. (2014). *Buen Vivir, Degrowth and Ecological Swaraj: Alternatives to sustainable development and the Green Economy Development*. # 57(3—4). Pp. 362—375.

- Kotler Ph., Lee N. (2005). Korporativna društvena odgovornost. Hesperiaedu, Beograd.
- Lalander R. (2015). Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador // Revista Chilena de Derecho y Ciencia Política. Enero-Abril. Pp. 109–152.
- Latouche S. (2009). Farewell to Growth. Cambridge: Polity. Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina. Available at: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (дата обращения: 17.10.2019).
- Lipietz A. (2002). ¿Qué es la ecología política? La gran transformación del siglo XXI. Santiago, Chili: Lom Ediciones.
- Marković S. (1872). Srbija na Istoku. Novi Sad.
- Marković Ž. D. (2015). Socijalna ekologija. Beograd.
- Martínez J. (1994). De la economía ecológica al ecologismo popular. Segundo edición. Barcelona: ICARIA Editorial.
- Morrison O. (2019). Younger consumers more likely to pay higher prices for organic food and drink: Mintel. <https://www.foodnavigator.com/Article/2019/10/04/Younger-consumers-more-likely-to-pay-higher-prices-for-organic-food-and-drink-Mintel> (дата обращения 25.05.2020).
- Nadić D. (2007). Ekologizam i ekološke stranke. Beograd.
- Nadić D. (2012). Ogledi iz političke ekologije. Beograd.
- Nadić D., Mičić N., Krstić Z. (2014). Korporativna ekološka odgovornost — novi momenti u ekološkoj politici Srbije // Ecologica. Beograd. N 74. Godina XXI. Pp. 351–356.
- Nigh R. (1992). La agricultura orgánica y el nuevo movimiento campesino en México // Antropológicas. Revista de difusión del Instituto de Investigaciones Antropológicas. # 3. México: Nueva Epoca/ UNAM. Pp. 39–50.
- O'Connor J. (2002). ¿Es posible el capitalismo sostenible? // H. Alimonda (comp.). Ecología, política, naturaleza, sociedad y utopía. Buenos Aires: CLASCO.
- Ortiz Lemos A. La desnudez del Sumak kawsay. Available at: www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay (дата обращения 06.07.2018).
- Ostrom E. (1990). Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (1990). Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge.
- Ostrom E. (2009). A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems // Science. Vol. 325.

- Our Common Future (1987). New York: Oxford University Press.
- Pavlović V. (1985). Poredak i alternativa. Nikšić.
- Pearce D., Markandya A., Barbier E. (1989). Blueprint for a Green Economy. London: Earthscan Publications Limited.
- Rakas S. (2004). Sociologija menadžmenta. Beograd.
- Rist G. (2008). The History of Development: From western origins to global faith. Expanded Edition. London: Zed Books.
- Santos T. Buen Vivir o Desarrollo? // Vistazo. 09.08.2016 Available at: https://www.academia.edu/28163891/_BUEN_VIVIR_O_DESARROLLO (дата обращения 15.05.2020).
- Ritchie H., Roser M. (2019). Access to Energy. <https://ourworldindata.org/energy-access> (дата обращения 25.05.2020).
- Ruysschaert D., Salles D. (2016). The Strategies and Effectiveness of Conservation NGOs in the Global Voluntary Standards: The Case of the Roundtable on Sustainable Palm-Oil // Conservation and Society. Vol. 14. № 2. January.
- Sachs W. (1993). Global Ecology and the Shadow of 'Development' // Global Ecology. London: Zed Books.
- Shiva V. (1993). The Greening of the Global Reach // W. Sachs (coord.). Global Ecology. London: Zed Books.
- Svampa M. (2011). Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escenarios en disputa // El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina. La Paz: CIDES / UMSA.
- Svampa M. (2013). «Concenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en America Latina // Nueva Sociedad. Marzo-Abril.
- Swyngedouw E. (2007). Impossible/Undesirable Sustainability and the Post-Political Condition // Rob Krueger and David Gibbs (eds.) The Sustainable Development Paradox. New York: Guilford Press. Pp. 13—40.
- Toledo V. (1993). La racionalidad ecológica de la producción campesina // E. Sevilla y M. González de Molina (coords.). Ecología, campesinado e historia. Madrid.
- UNCHE (United Nations Conference on the Human Environment). Report of the United Nations conference on the human environment, <http://www.unep.org>, 1972, (дата обращения 20.03.2020).
- Waitrose&Partners (2018). Food and Drink Report <https://www.globalagriculture.org/fileadmin/files/weltagrarbericht/Weltagrarbericht/04Fleisch/WaitroseReport.pdf> (дата обращения 07.06.2020).
- Watts M. (2000). Political Ecology // T. Barnes y E. Sheppard (coords.) A Companion to Economic Geography. Oxford: Blackwell. Pp. 257–275.

- Young S. (1998). A Mirage beyond the participation hurdle? // W.M. Lafferty and K. Eckerberg. From the Earth Summit to local agenda. London.
- Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В., Ситкина К. С. (2015). Индикаторы экологически устойчивого развития для регионов России. М.: ЦПРП.
- Вебер А. Б. (2012). Рынок и общество: Экономическое и социальное в общественных процессах. М.: Либроком.
- Воротникова Т. А. (2016). Десять лет спустя: Как изменилась Боливия при Эво Моралесе // Свободная мысль. № 6.
- Захер У., Баэс М. (2016). Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре // Глобальный диалог. № 1.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Кулясов И. П. (2004). Экологическая модернизация. СПб.: НИИХ СПбГУ.
- Ларин Вл., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. (2003). Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: ВВФ.
- Моисеев Н. Н. (1993). Восхождение к Разуму. М.: МНЭПУ.
- Моисеев Н. Н. (1999). Быть или не быть... человечеству. М.: МНЭПУ.
- Моисеев Н. Н. (2009). О необходимых чертах цивилизации будущего. М.: МНЭПУ.
- Постиндустриальный переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Культурная карта мира Рональда Инглхарта (2013) // Экология и жизнь. 23.01.2013. Доступно: <http://www.ecolife.ru/video/11399>.
- Саворская Е. В. (2018) Политические сети в процессах надгосударственного регулирования: Европейский и мировой опыт. М.: ИМЭМО РАН.
- Сосунова И. А. и др. (2004). Методология и методика общественного участия в принятии экологически значимых решений. М.: ННА—Природа.
- Стратегия и проблемы устойчивого развития РФ в XXI веке (2002) / Под ред. А. Г. Гранберга. М.: Экономика.
- Хестанов Р. Географический марксизм (интервью с Дэвидом Харви) // Русский репортер. http://www.rusrep.ru/2008/18/interview_harv/ (дата обращения: 30.11.2019).
- Цымбурский В. Л. (2006). Апокалипсис на сегодня. Эсхатологический сборник. СПб.: Интелрос.
- Цымбурский В. Л. (2007). Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОСПЭН.

